

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Владимир Богомолов

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Школьная библиотека (Детская литература)

Владимир Богомолов

Момент истины

Издательство «Детская литература»

1973

Богомолов В. О.

Момент истины / В. О. Богомолов — Издательство «Детская литература», 1973 — (Школьная библиотека (Детская литература))

В созданном на фактическом материале романе повествуется о розысниках советской военной контрразведки, обезвредивших во время Великой Отечественной войны группу фашистских агентов. Для старшего школьного возраста.

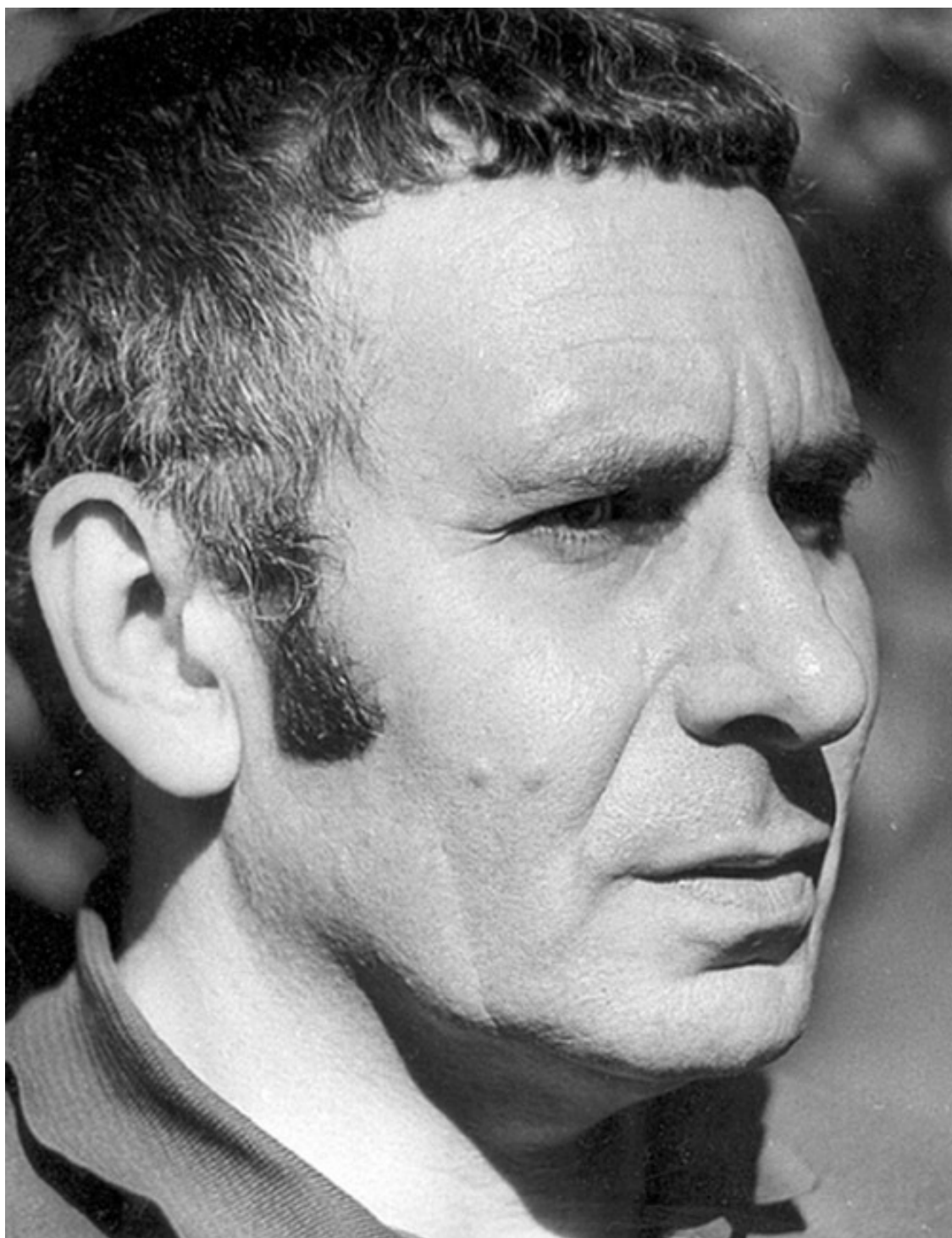
© Богомолов В. О., 1973

© Издательство «Детская литература», 1973

Содержание

Коротко об авторе	7
Момент истины	8
1. Алехин, Таманцев, Блинов	10
2. Оперативные документы[1]	13
3. Чистильщик[6] старший лейтенант Таманцев, по прозвищу Скорохват	18
4. В Шиловичах	20
5. Чистильщик-стажер гвардии лейтенант Андрей Блинов	25
6. Старший группы капитан Алехин Павел Васильевич	27
7. Гвардии лейтенант Блинов	31
8. Старший лейтенант Таманцев	32
9. Оперативные документы	34
10. Алехин Павел Васильевич	35
11. В лесу у родника	38
12. Таманцев	40
13. Гвардии лейтенант Блинов	41
14. Таманцев	43
15. Придется их устанавливать...	45
16. Оперативные документы	47
17. В Лиду!	49
18. На фронтовом продскладе	52
19. Вечером и ночью в городе	55
20. Оперативные документы	57
21. Капитан Алехин	59
22. Подполковник Поляков	61
23. Поиски утром в городе	63
24. Оперативные документы	65
25. В полдень на аэродроме	68
26. Алехин	70
27. В парикмахерской	72
28. Вот и второй!	76
29. На станции	78
30. Оперативные документы	82
31. При чем тут Юлия?	84
32. Алехин	87
33. Их надо понаблюдать...	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Владимир Осипович Богомолов
Момент истины
(В августе сорок четвертого...)
Роман

Богомолов

1926–2003

Коротко об авторе

Владимир Осипович Богомолов родился 3 июля 1926 года в деревне Кирилловне Московской области. Он – участник Великой Отечественной войны, был ранен, награжден орденами и медалями. Воевал в Белоруссии, Польше, Германии, Маньчжурии.

Первое произведение Богомолова – повесть «Иван» (1957), трагическая история о мальчике-разведчике, погибшем от рук фашистских захватчиков. Повесть содержит принципиально новый взгляд на войну, свободный от идеологических схем, от литературных нормативов того времени. Не пропадает с годами читательский и издательский интерес к этому произведению, оно переведено более чем на 40 языков. На его основе режиссер А. А. Тарковский создал фильм «Иваново детство» (1962).

В повести «Зоя» (1963) с большой психологической достоверностью рассказано о первой юношеской любви русского офицера к польской девушке. Чувство, пережитое в годы войны, не забылось. В финале повести ее герой признается: «И по сей день меня не покидает ощущение, что я и в самом деле что-то тогда проспал, что в моей жизни и впрямь – по какой-то случайности – не состоялось что-то очень важное, большое и неповторимое...»

Есть в творчестве Богомолова и короткие рассказы о войне: «Первая любовь» (1958), «Кладбище под Белостоком» (1963), «Сердца моего боль» (1963).

В 1963 году написано несколько рассказов на другие темы: «Второй сорт», «Кругом люди», «Сосед по палате», «Участковый», «Сосед по квартире».

В 1973 году Богомолов закончил работу над романом «Момент истины (В августе сорок четвертого...)». В романе о военных контрразведчиках автор приоткрыл читателям область воинской деятельности, с которой сам был хорошо знаком. Это история о том, как оперативно-розыскная группа контрразведки обезвредила группу фашистских агентов-парашютистов. Показывается работа командных структур вплоть до Ставки. В ткань сюжета вплетены военно-служебные документы, несущие большую познавательную и экспрессивную нагрузку. Этот роман, как и написанные ранее повести «Иван» и «Зоя», относится к числу лучших произведений нашей литературы о Великой Отечественной войне. Роман переведен более чем на 30 языков.

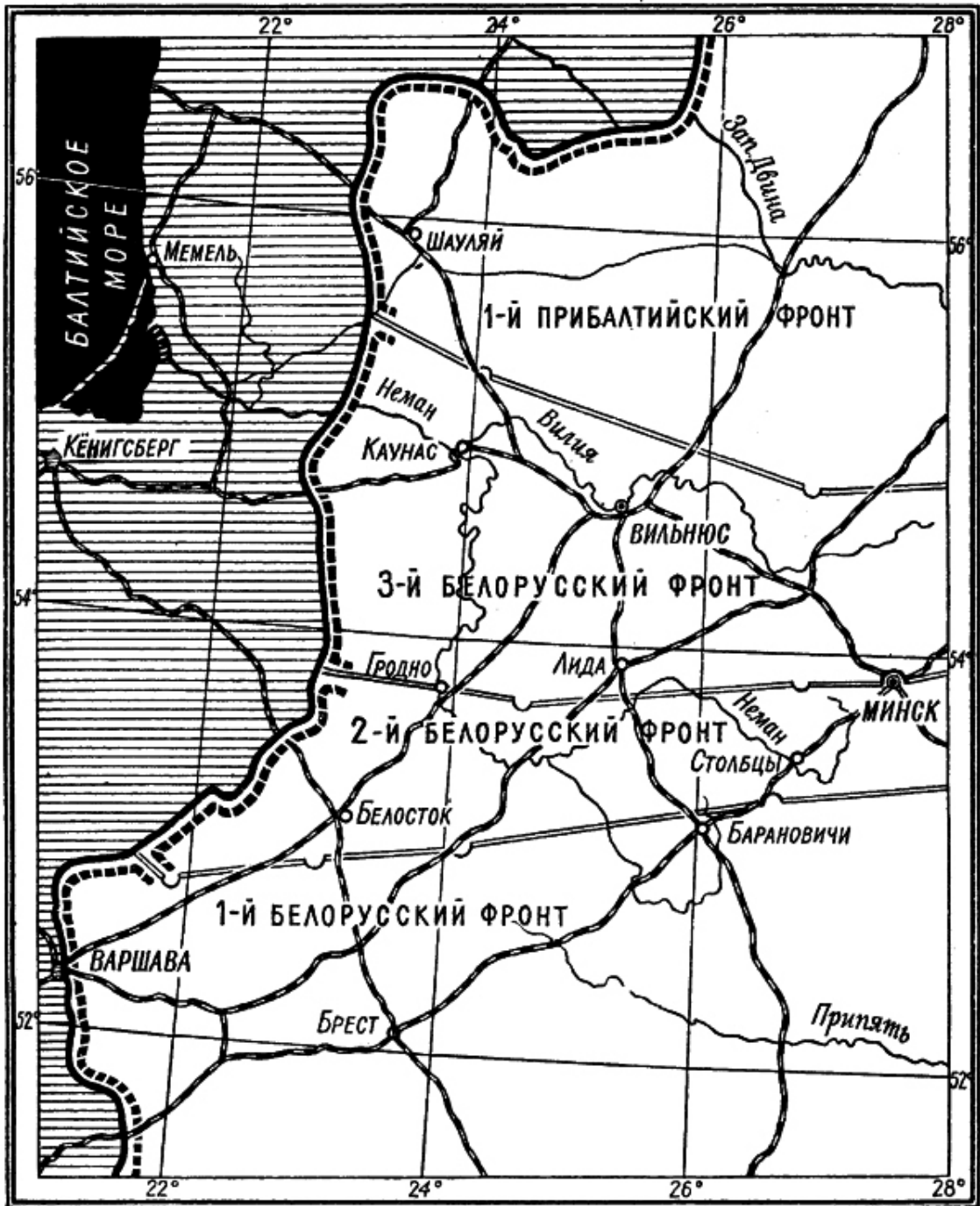
В 1993 году Богомолов написал повесть «В кригере». Ее действие происходит на Дальнем Востоке, в первую послевоенную осень. Разместившиеся в «кригере» (вагон для перевозки тяжелораненых) военные кадровики раздают вернувшимся с фронта офицерам назначения в отдаленные гарнизоны.

Последние годы жизни Богомолов работал над публицистической книгой «Срам имут и живые, и мертвые, и Россия...», в которой рассматривались издания, как говорил сам писатель, «очерняющие Отечественную войну и десятки миллионов ее живых и мертвых участников».

Владимир Осипович Богомолов ушел из жизни в 2003 году.

Момент истины (В августе сорок четвертого...)

1. Алехин, Таманцев, Блинов

Их было трое, тех, кто официально, в документах, именовались «оперативно-розыскной группой» Управления контрразведки фронта. В их распоряжении была машина, потрепанная, выдававшая виды полупорка «ГАЗ-АА» и шофер, сержант Хижняк.

Измученные шестью сутками интенсивных, но безуспешных поисков, они уже затемно вернулись в Управление, уверенные, что хоть завтрашний день смогут отоспаться и отдохнуть. Однако как только старший группы, капитан Алехин, доложил о прибытии, им было приказано немедленно отправиться в район Шиловичей и продолжать розыск. Часа два спустя, заправив машину бензином и получив во время ужина энергичный инструктаж специально вызванного офицера-минера, они выехали.

К рассвету позади осталось более ста пятидесяти километров. Солнце еще не всходило, но уже светало, когда Хижняк, остановив полупорку, ступил на подножку и, перегнувшись через борт, растолкал Алехина.

Капитан – среднего роста, худощавый, с выцветшими, белесоватыми бровями на загорелом малоподвижном лице – откинул шинель и, поеживаясь, приподнялся в кузове. Машина стояла на обочине шоссе. Было очень тихо, свежо и росисто. Впереди, примерно в полутора километрах, маленькими темными пирамидками виднелись хаты какого-то села.

– Шиловичи, – сообщил Хижняк. Подняв боковой щиток капота, он склонился к мотору. – Подъехать ближе?

– Нет, – сказал Алехин, осматриваясь. – Хорош.

Слева протекал ручей с отлогими сухими берегами. Справа от глоссе, за широкой полосой жнивья и кустарниковой порослью, тянулся лес. Тот самый лес, откуда каких-нибудь один-

надцать часов назад велась радиопередача. Алехин в бинокль с полминуты рассматривал его, затем стал будить спавших в кузове офицеров.

Один из них, Андрей Блинов, светлоголовый, лет девятнадцати лейтенант, с румяными от сна щеками, сразу проснувшись, сел на сене, потер глаза и, ничего не понимая, уставился на Алехина.

Добудиться другого – старшего лейтенанта Таманцева – было не так легко. Он спал, с головой завернувшись в плащ-палатку, и, когда его стали будить, натянул ее туго, в полусне дважды лягнул ногой воздух и перевалился на другой бок.

Наконец он проснулся совсем и, поняв, что спать ему больше не дадут, отбросил плащ-палатку, сел и, угрюмо оглядываясь темно-серыми, из-под густых сросшихся бровей глазами, спросил, ни к кому, собственно, не обращаясь:

– Где мы?...

– Идем, – позвал его Алехин, спускаясь к ручью, где уже умывались Блинов и Хижняк. – Освежись.

Таманцев взглянул на ручей, сплюнул далеко в сторону и вдруг, почти не притронувшись к краю борта, стремительно подбросив свое тело, выпрыгнул из машины.

Он был, как и Блинов, высокого роста, однако шире в плечах, уже в бедрах, мускулистей и жилистей. Потягиваясь и хмуро поглядывая вокруг, он сошел к ручью и, скинув гимнастерку, начал умываться.

Вода была холодна и прозрачна, как в роднике.

– Болотом пахнет, – сказал, однако, Таманцев. – Заметьте, во всех реках вода отдает болотом. Даже в Днепре.

– Ты, понятно, меньше, чем на море, не согласен! – вытирая лицо, усмехнулся Алехин.

– Именно!.. Вам этого не понять... – с сожалением посмотрев на капитана, вздохнул Таманцев и, быстро оборачиваясь, начальственным баском, но весело вскричал: – Хижняк, завтрака не вижу!

– Не шуми. Завтрака не будет, – сказал Алехин. – Возьмете сухим пайком.

– Веселенькая жизнь!.. Ни поспать, ни пожрать...

– Давайте в кузов! – перебил его Алехин и, оборачиваясь к Хижняку, предложил: – А ты пока погуляй...

Офицеры забрались в кузов. Алехин закурил, затем, вынув из планшетки, разложил на фанерном чемодане новенькую крупномасштабную карту и, примерясь, сделал повыше Шиловичей точку карандашом.

– Мы находимся здесь.

– Историческое место! – фыркнул Таманцев.

– Помолчи! – строго сказал Алехин, и лицо его стало официальным. – Слушайте приказ!.. Видите лес?... Вот он. – Алехин показал на карте. – Вчера в восемнадцать ноль-пять отсюда выходил в эфир коротковолновый передатчик.

– Это что, все тот же? – не совсем уверенно спросил Блинов.

– Да.

– А текст? – тотчас осведомился Таманцев.

– Предположительно передача велась вот из этого квадрата, – будто не слыша его вопроса, продолжал Алехин. – Будем...

– А что думает Эн Фэ? – мгновенно справился Таманцев.

Это был его обычный вопрос. Он почти всегда интересовался: «А что сказал Эн Фэ?... Что думает Эн Фэ?... А с Эн Фэ вы это прокачали?...»

– Не знаю, его не было, – сказал Алехин. – Будем осматривать лес...

– А текст? – настаивал Таманцев.

– Будем осматривать лес! – повысив голос, твердо повторил Алехин. – Нужны следы – свежие, суточной давности. Смотрите и запоминайте свои участки.

Едва заметными линиями карандаша он разделил северную часть леса на три сектора и, показав и подробно объяснив офицерам ориентиры, продолжал:

– Начинаем от этого квадрата – здесь смотреть особенно тщательно! – и двигаемся к периферии. Поиски вести до девятнадцати ноль-ноль. Оставаться в лесу позже – запрещаю! Сбор у Шиловичей. Машина будет где-нибудь в том подлеске. – Алехин вытянул руку; Андрей и Таманцев посмотрели, куда он указывал. – Погоны и пилотки снять, документы оставить, оружие на виду не держать! При встрече с кем-либо в лесу действовать по обстоятельствам.

Расстегнув ворота гимнастерок, Таманцев и Блинов отвязывали погоны; Алехин затаился и продолжал:

– Ни на минуту не расслабляться! Все время помнить о минах и о возможности внезапного нападения. Учтите: в этом лесу убили Басоса.

Отбросив окурок, он взглянул на часы, поднялся и приказал:

– Приступайте!

2. Оперативные документы¹

Сводка

«Начальнику Главного управления войск по охране тыла действующей Красной Армии.

*Копия: начальнику Управления контрразведки Смерш² фронта
13 августа 1944 г.*

Оперативная обстановка на фронте и в тылах фронта в течение пятидесяти суток с момента начала наступления (по 11 августа включительно) характеризовалась следующими основными факторами:

– успешными наступательными действиями наших войск и отсутствием при этом сплошной линии фронта. Освобождением всей территории БССР и значительной части территории Литвы, свыше трех лет находившихся под немецкой оккупацией;

– разгромом группы вражеских армий „Центр“, насчитывавшей в своем составе около 50 дивизий;

– засоренностью освобожденной территории многочисленной агентурой контрразведывательных и карательных органов противника, его пособниками, изменниками и предателями Родины, большинство из которых, избегая ответственности, перешли на нелегальное положение, объединяются в банды, скрываются в лесах и на хуторах;

– наличием в тылах фронта сотен разрозненных остаточных групп солдат и офицеров противника;

– наличием на освобожденной территории различных подпольных националистических организаций и вооруженных формирований; многочисленными проявлениями бандитизма;

– производимыми Ставкой перегруппировкой и сосредоточением наших войск и стремлением противника разгадать замыслы советского командования, установить, где и какими силами будут нанесены последующие удары.

Сопутствующие факторы:

– обилие лесистой местности, в том числе больших чащобных массивов, служащих хорошим укрытием для остаточных групп противника, различных бандформирований и лиц, уклоняющихся от мобилизации;

– большое количество оставленного на полях боев оружия, что дает возможность враждебным элементам без труда вооружаться;

¹ Здесь и далее грифы, указывающие степень секретности документов, резолюции должностных лиц и служебные пометки (время отправления, кто передал, кто принял и другие), а также номера документов опускаются. В документах (и в тексте романа) изменены несколько фамилий, названия пяти небольших населенных пунктов и действительные наименования воинских частей и соединений. В остальном документы в романе текстуально идентичны соответствующим подлинным документам.

² *Смерш* (сокр. от «Смерть шпионам!») – название советской военной контрразведки в 1943–1945 гг. Полное наименование: контрразведка Смерш НКО СССР. Органы Смерша подчинялись непосредственно Верховному главнокомандующему, Наркому обороны И. В. Сталину.

- слабость, неукомплектованность восстановленных местных органов советской власти и учреждений, особенно в низовых звеньях;
- значительная протяженность фронтовых коммуникаций и большое количество объектов, требующих надежной охраны;
- выраженный некомплект личного состава в войсках фронта, что затрудняет получение поддержек от частей и соединений при проведении операций по очистке войсковых тылов.

Остаточные группы немцев

Разрозненные группы солдат и офицеров противника в первой половине июля стремились к одной общей цели: скрытно или с боями продвигаясь на запад, пройти сквозь боевые порядки наших войск и соединиться со своими частями. Однако 15–20 июля немецким командованием неоднократно шифрованными радиogramмами передавался приказ всем остаточным группам, имеющим рации и шифры, не форсировать переход линии фронта, а, наоборот, оставаясь в наших оперативных тылах, собирать и передавать шифром по радио сведения разведывательного характера, и прежде всего о дислокации, численности и передвижении частей Красной Армии. Для этого предложено, в частности, используя естественные укрытия, вести наблюдение за нашими фронтовыми железнодорожными и шоссеино-грунтовыми коммуникациями, фиксировать грузопоток, а также захватывать одиночных советских военнослужащих, в первую очередь командиров, с целью допроса и последующего уничтожения.

Подпольные националистические организации и формирования

1. По имеющимся у нас данным, в тылах фронта действуют следующие подпольные организации польского эмигрантского правительства в Лондоне: „Народове силы збройне“, Армия Крайова³, созданная в последние недели „Неподлеглость“ и – на территории Литовской ССР, в р-не г. Вильнюса – „Делегатура Жонду“.

Ядро перечисленных нелегальных формирований составляют польские офицеры и подофицеры запаса, помещичье-буржуазные элементы и частично интеллигенция. Руководство всеми организациями осуществляется из Лондона генералом Соснковским через своих представителей в Польшу: генерала Бур (графа Тадеуша Коморовского), полковников Гжегожа (Пелчинского) и Ниля (Фильдорфа).

Как установлено, лондонским центром польскому подполью дана директива о проведении активной подрывной деятельности в тылах Красной Армии, для чего приказано сохранить на нелегальном положении большую часть отрядов, оружия и все приемо-передаточные радиостанции. Полковником Фильдорфом, посетившим в июне с. г. Виленский и Новогрудский округа, даны на местах конкретные распоряжения с приходом Красной Армии: а) саботировать мероприятия военных и гражданских властей; б) совершать диверсии на фронтовых коммуникациях и террористические

³ Армия Крайова (АК) – подпольная вооруженная организация польского эмигрантского правительства в Лондоне, действовавшая на территории Польши, Южной Литвы и западных областей Украины и Белоруссии. В 1944–1945 гг., выполняя указания лондонского центра, многие отряды АК проводили подрывную деятельность в тылах советских войск: убивали бойцов и офицеров Красной Армии, а также советских работников, занимались шпионажем, совершали диверсии и грабили мирное население. Нередко аковцы были обмундированы в форму военнослужащих Красной Армии.

акты в отношении советских военнослужащих, местных руководителей и актива; в) собирать и передавать шифром генералу Буру – Коморовскому и непосредственно в Лондон сведения разведывательного характера о Красной Армии и обстановке в ее тылах.

В перехваченной 28 июля с. г. и дешифрованной радиограмме лондонского центра всем подпольным организациям предлагается не признавать образованный в Люблине Польский комитет национального освобождения и саботировать его мероприятия, в частности мобилизацию в Войско Польское. Там же обращается внимание на необходимость активного ведения военной разведки в тылах действующих советских армий, для чего приказывается установить постоянное наблюдение за всеми железнодорожными узлами.

Наибольшую террористическую и диверсионную активность проявляют отряды „Волка“ (р-н Рудницкой пуци), „Крыся“ (р-н г. Вильнюса) и „Рагнера“ (около 300 чел.) в р-не г. Лида.

2. На освобожденной территории Литовской ССР действуют скрывающиеся в лесах и населенных пунктах вооруженные националистические бандгруппы так называемой ЛЛА, именующие себя „литовскими партизанами“.

Основу этих подпольных формирований составляют „белоповязочники“ и другие активные немецкие пособники, офицеры и младшие командиры бывшей литовской армии, помещичье-кулацкий и прочий вражеский элемент. Координируются действия указанных отрядов Комитетом литовского национального фронта, созданным по инициативе германского командования и его разведывательных органов.

Согласно показаниям арестованных участников ЛЛА, кроме осуществления жестокого террора в отношении советских военнослужащих и представителей местной власти литовское подполье имеет задание вести оперативную разведку в тылах и на коммуникациях Красной Армии и незамедлительно передавать добытые сведения, для чего многие бандгруппы снабжены коротковолновыми радиостанциями, шифрами и немецкими дешифровальными блокнотами.

Наиболее характерные враждебные проявления последнего периода (с 1 по 10 августа включительно)

В Вильнюсе и его окрестностях, преимущественно в ночное время, убито и пропало без вести 11 военнослужащих Красной Армии, в том числе 7 офицеров. Там же убит майор Войска Польского, прибывший в краткосрочный отпуск для встречи с родными.

2 августа взорвана и сожжена водопроводная станция Бастуны.

2 августа в 4.00 в дер. Калитанцы неизвестными зверски уничтожена семья бывшего партизана, находящегося ныне в рядах Красной Армии, Макаревича В. И., – жена, дочь и племянница 1940 г. р.

3 августа в р-не Жирмуны, в 20 км севернее г. Лида, бандгруппой власовцев обстреляна автомашина – убито 5 красноармейцев, тяжело ранены полковник и майор.

В ночь на 5 августа в трех местах взорвано полотно железной дороги между станциями Неман и Новоелья.

5 августа 1944 г. в с. Турчела (30 км южнее Вильнюса) брошенной в окно гранатой убит коммунист, депутат сельского Совета.

7 августа в р-не с. Войтовичи подверглась нападению из заранее подготовленной засады автомашина 39-й армии. В результате убито 13 человек, 11 из них сожжено вместе с машиной. Два человека уведены в лес бандитами, захватившими также оружие, обмундирование и все личные служебные документы.

6 августа прибывший на побывку в с. Радунь сержант Войска Польского в ту же ночь похищен неизвестными.

8 августа на перегоне Лида – Вильнюс пуцен под откос воинский эшелон с боеприпасами.

10 августа в 4.30 литовской бандгруппой неустановленной численности совершено нападение на волостной отдел НКВД в местечке Сиесики. Убито 4 работника милиции, освобождено из-под стражи 6 бандитов.

10 августа в с. Малые Солешиники расстреляны председатель сельсовета Василевский, его жена и 13-летняя дочь, пытавшаяся защитить отца.

Всего в тылах фронта за первую декаду августа убито, похищено и пропало без вести 169 военнослужащих Красной Армии. У большинства убитых забрано оружие, обмундирование и личные воинские документы.

За эти 10 суток убиты 13 представителей местных органов власти; в трех населенных пунктах сожжены здания сельсоветов.

В связи с многочисленными бандпроявлениями и убийствами военнослужащих нами и армейским командованием значительно усилены охранные мероприятия. Приказом командующего всему личному составу частей и соединений фронта разрешено выходить за пределы расположения части только группами не менее трех человек и при условии наличия у каждого автоматического оружия. Тем же приказом запрещено движение автомашин в вечернее и ночное время вне населенных пунктов без надлежащей охраны.

Всего с 23 июня по 11 августа с. г. включительно ликвидировано (не считая одиночек) 209 вооруженных групп противника и различных бандформирований, действовавших в тылах фронта. При этом захвачено: минометов – 22, пулеметов – 356, винтовок и автоматов – 3827, лошадей – 190, радиостанций – 46, в т. ч. 28 коротковолновых.

Начальник войск по охране тыла фронта генерал-майор Лобов»

Записка по ВЧ⁴

«Срочно!

Москва, Матюшину

В дополнение к №... от 7.08.44 г.

Разыскиваемая нами по делу „Неман“ неизвестная радиостанция с позывными КАО (перехват от 7.08.44 г. был передан Вам незамедлительно) сегодня, 13 августа, выходила в эфир из леса в р-не Шиловичей (Барановичская обл.)⁵.

⁴ ВЧ (точное наименование: ВЧ-связь) – высокочастотная телефонная связь.

⁵ С 20 сентября 1944 г. Гродно, Лида и р-н Шиловичей – Гродненская обл.

*Сообщая записанные сегодня группы цифр шифрованной радиogramмы, настоятельно прошу Вас, учитывая отсутствие квалифицированных криптографов в Управлении контрразведки фронта, ускорить дешифровку как первого, так и второго радиоперехватов.
Егоров»*

Записка по ВЧ

«Срочно!

Начальнику Главного управления контрразведки

Смери

Спецсообщение

Сегодня, 13 августа, в 18.05 слезжечными станциями вторично зафиксирован выход в эфир неизвестной коротковолновой рации с позывными КАО, действующей в тылах фронта.

Место выхода передатчика в эфир определяется как северная часть Шиловичского лесного массива. Рабочая частота рации – 4627 кГц. Записанный перехват – радиogramма, шифрованная группами пятизначных цифр. Скорость и четкость передачи свидетельствуют о высокой квалификации радиста.

До этого выход рации с позывными КАО в эфир фиксировался 7 августа с. г. из леса юго-восточнее Столбцов.

Проведенные в первом случае розыскные мероприятия не дали положительных результатов.

Представляется вероятным, что передачи ведутся агентами, оставленными противником при отступлении или же переброшенными в тылы фронта.

Не исключено, однако, что рация с позывными КАО используется одной из подпольных групп Армии Крайовой.

Также не исключено, что передачи ведутся одной из остаточных групп немцев.

Нами предпринимаются меры к отысканию в Шиловичском лесном массиве точного места выхода разыскиваемой рации в эфир, обнаружению следов и улик. Одновременно делается все возможное для выявления сведений, способствовавших бы установлению и задержанию лиц, причастных к работе передатчика.

На оперативную пеленгацию рации в случае ее выхода в эфир нацелены все радиоразведывательные группы фронта.

Непосредственно по делу работает оперативная группа капитана Алехина.

На розыск рации и лиц, причастных к ее работе, нами ориентированы все органы контрразведки фронта, начальник войск по охране тыла, а также Управления контрразведки соседних фронтов.

Егоров»

3. Чистильщик⁶ старший лейтенант Таманцев, по прозвищу Скорохват

С утра у меня было жуткое, прямо-таки похоронное настроение – в этом лесу убили Лешку Басоса, моего самого близкого друга и, наверное, лучшего парня на земле. И хотя погиб он недели три назад, я весь день невольно думал о нем.

Я находился тогда на задании, а когда вернулся, его уже похоронили. Мне рассказали, что на теле было множество ран и тяжелые ожоги, – перед смертью его, раненого, крепко пытали, видимо стараясь что-то выведать, кололи ножами, прижигали ступни, грудь и лицо. А затем добились двумя выстрелами в затылок.

В школе младшего комсостава пограничных войск почти год мы спали на одних нарах, и его затылок с такими знакомыми мне двумя макушками и завитками рыжеватых волос на шее с утра маячил у меня перед глазами.

Он воевал три года, а погиб не в открытом бою. Где-то здесь его подловили – так и неизвестно – кто! – подстрелили, видимо, из засады, мучали, жгли, а затем убили. Как ненавижу я этот проклятый лес! Жажда мести – встретить бы и посчитаться! – с самого утра овладела мной.

Настроение настроением, а дело делом – не поминать же Лешку и даже не мстить за него мы сюда приехали.

Если лес под Столбцами, где мы искали до вчерашнего полудня, война как бы обошла стороной, то здесь было совсем наоборот.

В самом начале, метрах в двухстах от опушки, я наткнулся на обгоревший немецкий штабной автомобиль. Его не подбили, а сожгли сами фрицы: деревья тут совсем зажали тропу и ехать стало невозможно.

Немного погодя я увидел под кустами два трупа. Точнее, зловонные скелеты в полуистлевшем темном немецком обмундировании – танкисты. И дальше на заросших тропинках этого глухого, чащобного леса мне то и дело попадались поржавевшие винтовки и автоматы с вынутыми затворами, испятнанные кровью грязно-рыжие бинты и вата, брошенные ящики и пачки с патронами, пустые консервные банки и обрывки бумаг, фрицевские походные ранцы с рыжеватым верхом из телячьих шкур и солдатские каски.

Уже после полудня в самой чащобе я обнаружил два могильных холмика месячной примерно давности, успевшие осесть, с наспех сколоченными березовыми крестами и надписями, выжженными готическими буквами на светлых поперечинах:

Karl von Tielen
Major
1916—1944

Otto Mader
Oberleutnant
1905—1944

⁶ Чистильщик (от «чистить» – очищать районы передовой и оперативные тылы от вражеской агентуры) – жаргонное обозначение розысника военной контрразведки. Здесь и далее преимущественно специфичный, узкопрофессиональный жаргон розысников военной контрразведки.

Свои кладбища при отступлении они чаще всего перепахивали, уничтожали, опасаясь надругательств. А тут, в укромном месте, поместили все чин чинком, очевидно рассчитывая еще вернуться. Шутники, нечего сказать...

Там же, за кустами, валялись санитарные носилки. Как я и думал, эти фрицы только кончились здесь – их несли, раненных, десятки, а может, сотни километров. Не пристрелили, как случилось, и не бросили – это мне понравилось.

За день мне встретились сотни всевозможных примет войны и поспешного немецкого отступления.

Не было в этом лесу, пожалуй, только того, что нас интересовало, – свежих, суточной давности, следов пребывания здесь человека.

Что же касается мин, то не так страшен черт, как его малюют. За весь день я наткнулся лишь на одну, немецкую противопехотную.

Я заметил блеснувшую в траве тоненькую стальную проволоку, натянутую поперек тропы сантиметрах в пятнадцати от земли. Стоило мне ее задеть – и мои кишки и другие остатки повисли бы на деревьях или еще где-нибудь.

За три года войны бывало всякое, но самому разряжать мины приходилось считанные разы, и на эту я не считал нужным тратить время. Обозначив ее с двух сторон палками, я двинулся дальше.

Хотя за день мне попала только одна, сама мысль, что лес местами минирован и в любое мгновение можно взлететь на воздух, все время давила на психику, создавая какое-то паскудное внутреннее напряжение, от которого я никак не мог избавиться.

После полудня, выйдя к ручью, я скинул сапоги, расстелил на солнце портянки, умылся и перекусил. Напился и минут десять лежал, уперев приподнятые ноги в ствол дерева и размышляя о тех, за кем мы охотились.

Вчера они выходили в эфир из этого леса, неделю назад – под Столбцами, а завтра могут появиться в любом месте: за Гродно, под Брестом или где-нибудь в Прибалтике. Кочующая рация – Фигаро здесь, Фигаро там... Обнаружить в таком лесу место выхода – все равно что отыскать иголку в стоге сена. Это тебе не мамочкина бахча, где каждый кавун знаком и лично симпатичен. И весь расчет, что будут следы, будет зацепка. Черта лысого – почему они должны наследить?... Под Столбцами мы что, не старались?... Землю носом рыли! Впятером, шестеро суток!.. А толку?... Как говорится, две консервные банки плюс дыра от баранки! А этот массивчик побольше, поглуше и засорен изрядно.

Сюда бы приехать с толковой псиной вроде Тигра, что был у меня перед войной. Но это тебе не на границе. При виде служебной собаки каждому становится ясно, что кого-то разыскивают, и начальство собак не жалуется. Начальство, как и все мы, озабочено конспирацией.

К концу дня я опять подумал: нужен текст! В нем почти всегда можно уловить хоть какие-то сведения о районе нахождения разыскиваемых и о том, что их интересует. От текста и следует танцевать.

Я знал, что с дешифровкой не ладилось и перехват сообщили в Москву. А у них двенадцать фронтов, военные округа и своих дел под завязку. Москве не укажешь: они сами себе начальники. А из нас душу вынут. Это уж как пить дать. Старая песенка: умри, но сделай!..

4. В Шиловичях

Оставив Хижняка с машиной в густом подлеске близ деревни, Алехин заброшенным, заросшим травой огородом вышел на улицу. Первый встречный – конопатый мальчишка, спозаранок гонявший гуся у колодца, – показал ему хату «старшины» сельсовета. От соседних, таких же невзрачных, с замшелыми крышами хат ее можно было отличить лишь по тому, что вместо калитки в изгороди была подвешена дверца от немецкого автомобиля. Назвал мальчишка и фамилию председателя – Васюков.

Не обращая внимания на тощую собаку, хватавшую его за сапоги, Алехин прошел к хате. Дверь была закрыта и заперта изнутри. Он постучал.

Было слышно, как в хате кто-то ходил. Прошло с полминуты – в сенях послышался шум, медленные тяжелые шаги, и тут же все замерло. Алехин почувствовал, что его рассматривают, и, чтобы стоящий за дверью понял, что он не переодетый аковец и не «зеленый», а русский, вполголоса запел:

Вспомню я пехоту, и родную роту,
И тебя, того, кто дал мне закурить...

Наконец дверь отворилась. Перед Алехиным, глядя пристально и настороженно, опираясь на костыли и болезненно морщась, стоял невысокий, лет тридцати пяти мужчина с бледным худым лицом, покрытым рыжеватой щетиной, в польском защитном френче и поношенных шароварах. Левой ноги у него не было, и штанина, криво ушитая на уровне колена, болталась свободно. В правой полусогнутой руке он держал наган.

Это и был председатель сельсовета Васюков.

Пустыми грязными сенцами они прошли в хату, обставленную совсем бедно: старая деревянная кровать, ветхий тонконогий стол и скамья. Потемнелые бревенчатые стены, совершенно голые, на печи – рваный тюфяк и ворох тряпья. На дощатом столе – крынка, тарелка с остатками хлеба и стакан из-под молока. Тут же, уставясь стволом в окно, стоял немецкий ручной пулемет. В изголовье кровати, закинутой порыжевшей солдатской шинелью, висел трофейный автомат. Воздух в хате был кислый, спертый.

Васюков ухватил старое вышитое полотенце и вытер скамью. Алехин сел. Не оставляя костылей, Васюков опустил на кровать и посмотрел выжидающе.

Алехин начал издали: поинтересовался, какие вёски⁷ и хутора входят в сельсовет, как убираются хлеба, много ли мужиков, как с тяглом, и задал еще несколько вопросов общего характера.

Васюков отвечал обстоятельно, неторопливо, придерживая левой рукой культю и время от времени болезненно морщась. Он знал хорошо и местность, и людей, в разговоре его проскальзывали польские и белорусские слова, однако по говору Алехин сразу определил: «Не местный».

– Вы что, не здешний? – улучив момент, спросил капитан.

– Смоленский я. А здесь попал в сорок первом в окружение и партизанил три года. Так и остался. А вы по каким делам? – в свою очередь поинтересовался Васюков.

Алехин поднялся, достал командировочное предписание и, развернув, предъявил его.

– «... для вы... пол... нения за... дания коман... дования», – медленно прочел председатель. – Ясен вопрос! – осмотрев печать, немного погодя сказал он, возвращая документ и ничуть, однако, не представляя, какое задание может выполнять этот пехотный капитан с

⁷ Вёски – деревни (белорус).

полевыми погонами на выгоревшей гимнастерке в Шиловичах, более чем в ста километрах от передовой.

И Алехин, наблюдавший за выражением лица Васюкова, понял это.

Он оглянулся на перегородку и, услышав от Васюкова: «Там нет никого», посмотрел инвалиду-председателю в глаза и тихим голосом доверительно сообщил:

– Я по части постоя... расквартирования... Возможно, и у вас будут стоять... Не сейчас, а ближе к зиме... месяца через полтора-два, не раньше. Только об этом пока никому!

– Ну что вы, – понимающе сказал Васюков, явно польщенный доверием. – Разве я без понятия? И много поставят?

– Да, думаю, в Шиловичах примерно роту. Это уже как командование решит. Мое дело ознакомиться с обстановкой, посмотреть местность и доложить.

– Роту – это можно. А больше не разместить, – сказал Васюков озабоченно. – Вы так и доложите: больше роты нельзя. Ведь их обиходить надо. Я сам три года служил, командиром отделения был, понимаю. Солдату в бою достается, а уж на постое условия нужны. А где их взять? – вздохнул он.

– С водой как у вас?

– Вода что – ее на всех хватит. И дров в достатке. А вот с жильем кепско⁸. Полы-то все больше земляные, холодные.

– А дрова где берете? – спросил Алехин, стараясь направить разговор в нужное русло.

– Там вот, за шоссе. – Васюков кивнул влево, в сторону печки.

– А у вас же лес рядом, – удивился Алехин, указывая в противоположном направлении: его интересовал прежде всего этот лес и то, что с ним было связано.

– Там, за шоссе, швырок⁹ еще немцами заготовлен. Сухой, как лучина, и пилить не надо. Его и возят, – объяснил Васюков. – А в этот лес не ходят – запрещено!

– Почему?

– Тут немцы, как отступали, оборону, должно, держать думали. Или преследование задержать хотели. Словом, мин понаставили.

– Поня-ятно...

– Мусить¹⁰, и немного, но где и сколько – никто не знает. В день, как меня назначили, мальчишки туда полезли. За трофеями. И двух у самого края – на куски! Мы по опушке сразу знаки расставили. Мол, проход запрещен: мины! Так что наши, шиловичские, в этот лес – ни шагу! А с военными случай был.

– С какими военными?

– Тут связистки у нас с неделю стояли. Молоденькие, веселые – известно дело, на отдыхе. А в лесу грибов, ягод полно. И вот пошли двое, да не вернулись...

– Давно это?

– Дней десять уже. Стали искать их – метров за триста от опушки нашли, вот там. – Васюков взглядом указал на стену, где висел автомат. – Снасиловали их и убили. Обмундирование забрали и документы.

– Кто же убил?

– А кто знает... После приехали энкавэдэ с Лиды. Пограничники. На трех машинах, с собаками. Осматривали лес, перестрелка была – будто нашли кого-то и побили. Опять же, говорят, кто-то на mine подорвался. Но точно не знаю: проческу, значит, от нас начали, а больше не приходили. Должно, так лесом на Каменку и вышли.

⁸ Скверно (*польск.*).

⁹ Швырок – короткие дрова для топки печей.

¹⁰ Должно, должно быть (*польск.*). В Западной Белоруссии употреблялось и в значении – «может», «возможно».

– Это было, говорите, с неделю назад. А вот в последние дни, вчера или позавчера, вы здесь незнакомых людей не встречали?... Военнослужащих... не видели? Я почему спрашиваю, – пояснил капитан, – кроме меня посланы еще три группы квартирьеров. Так если мы для постоя одни и те же деревни присмотрим или хутора, ерунда ведь получится.

– Понятно... Нет, насчет квартир последние дни не обращались... А видеть двух командиров вчера видел. Мусить, и с вашей части, – неуверенно заметил Васюков. – Но ко мне они не приходили.

– А где вы их видели, в деревне?

– Нет. Я вчера тут спор улаживал. Тесинского и Семашко. Из-за межи разодрались. Пошли, значит, на поле, вот сюда. – Васюков рукой показал за спину. – Обмерили всё, столб зарыли. Ну и после дела, как водится, хлеб-соль: бимбера бутылку распили. Сидим у копёшек, закусываем. И вижу: от леса идут двое. Командиры. Мусить, и с вашей части.

– Когда это было, в котором часу?

– Вечером. Перед заходом. Часов в восемь, должно...

– А какие они из себя? Как выглядят?

– Обыкновенно. Один постарше вроде и поплотнее. Он впереди шел. А другой – худой, моложе, видать, этот подлиньше.

– Тот, что постарше, смуглый такой, носастый! Это же Лещенко! – обрадованно сказал Алехин, называя первую пришедшую на ум фамилию. – Капитан! В хромовых сапогах и в кителе. У него еще фуражка с матерчатым козырьком.

– Там метров двести, ежли не больше. Разве звание разберешь? Но только в пилотках они оба и в гимнастерках. Это точно.

– Может, Ткачев и Журба? – словно размышляя вслух, проговорил Алехин. – Они что же, из леса вышли? А вещи у них с собой какие-нибудь были?

– Когда я увидел, они шли от леса. А были они там или нет – не знаю. И вещей не видел. У одного, должно, плащ-палатка в руке, а у другого... вроде совсем ничего.

– А эти, Тесинский и Семашко, их видели? Может, они лучше разглядели?

– Нет. У меня глаз дальний. Ежли я не увидел, а те-то и подавно. Это точно.

Они поговорили еще минут десять. Алехин понемногу уяснил большинство интересовавших его вопросов и соображал: ехать ли отсюда прямо в Каменку или заглянуть по дороге на хутора, расположенные вдоль леса.

Васюков, под конец разговорясь, доверительно рассказал о знакомом мужике, имеющем «аппарат», и, озорновато улыбаясь, предложил:

– Ежли придется вам здесь стоять, съездим к нему обязательно! У него первачок – дух прихватывает!

У Алехина, к самогону весьма равнодушно, лицо приняло то радостно-оживленное выражение, какое появляется у любителей алкоголя, как только запахнет выпивкой. Сдерживаясь, чтобы не переиграть, он опустил глаза и согласно сказал:

– Уж если стоять здесь будем, сообразим. Непременно!

Он поднялся, чтобы уходить, – в это мгновение груда тряпья на печи зашевелилась. Посмотрев недоуменно, Алехин насторожился. Васюков с помощью костылей подскочил к печке, потянулся как мог и, сунув руку в тряпье, вытащил оттуда и быстро поставил на пол мальчонку примерно двух с половиной лет, беловолосого, в стираной-перестираной рубашонке.

– Сынишка, – пояснил он.

Выглядывая из-за ноги отца и потирая кулачком ясные голубоватые глазенки, ребенок несколько секунд рассматривал незнакомого военного и вдруг улыбнулся.

– Как тебя зовут? – ласково и весело спросил Алехин.

– Палтизан! – бойко ответил малыш.

Васюков, улыбаясь, переступил в сторону. И только тут Алехин заметил, что у мальчика нет левой руки, – из короткого рукава рубашонки выглядывала необычно маленькая багровая культия.

Алехин был несентиментален и за войну перевидал всякое. И все же ему сделалось не по себе при виде этого крошечного калеки, с такой подкупающей улыбкой смотревшего ему в глаза. И, не удержавшись, он проговорил:

– Как же это, а?

– В отряде был. В Налибоках зажали нас – осколком мины задело... – вздохнул Васюков. – Ну, умываться! – велел он сынишке.

Мальчуган проворно шмыгнул за перегородку.

– А жена где? – поинтересовался Алехин.

– Ушла. – Переставив костыли, Васюков повернулся спиной к Алехину и шагнул за перегородку. – В город сбежала. С фершалом...

Опираясь на костыль и наклонясь, он лил воду из кружки, а малыш, стоя над оббитым эмалированным тазиком, старательно и торопясь тер чумазую мордашу ладошкой.

Алехин в душе выругал себя – о жене спрашивать не следовало. Ответив, Васюков замолчал, замкнулся, и лицо у него стало угрюмое.

Умывшись, мальчик поспешно утерся тем самым полотенцем, каким отец вытирал скамью для Алехина, и проворно натянул маленькие, запачканные зеленую трусики.

Его отец тем временем молча и не глядя на Алехина отрезал краюшку хлеба, сунул ее в цепкую ручонку сына и, сняв со стены автомат, повесил себе на грудь.

Алехин вышел первым и уже ступал по росистой траве, когда, услышав сзади сдавленный стон, стремительно обернулся. Васюков, стиснув зубы и закрыв глаза, стоял, прислонясь к косяку двери. Бисеринки пота проступили на его нездорово-бледном лице. Ребенок, справлявший у самого порога малую нужду, замер и, задрвав головку, испуганно, не по-детски озабоченными глазами смотрел на отца.

– Что с вами? – бросился к Васюкову Алехин.

– Ничего... – приоткрыв глаза, прошептал Васюков. – Рана... открылась... Уж третий день... Должно, кость наружу выходит... Мозжит, мочи нет. А тут задел костылем – аж в глазах потемнело...

– Вам необходимо в госпиталь! – с решимостью заявил Алехин, соображая, как это лучше устроить. – Насчет машины я позабочусь, вас сегодня же отвезут в Лиду!

– Нет, нельзя, – покачал головой Васюков и, зажав костыль под мышкой, поправил автомат.

– Вы что, за ребенка боитесь – оставить не с кем?

– Нет... А в госпиталь не могу! – Морщась от боли, Васюков переставил костыли и двинулся, выбрасывая вперед ногу и подпрыгивая на каждом шагу. – Сельсовет оставить нельзя.

– Почему? – Алехин, проворно открыв калитку, пропустил Васюкова вперед. – У вас заместитель есть?

– В армию забрали... Никого нет... Секретарь – девчонка. Несмышленная... Никак нельзя. Понимаете – не могу! – Опираясь на костыли, Васюков стал посреди улицы и, оглянувшись, вполголоса сказал: – Банды объявились. Третьего дня пришли в Соломенцы человек сорок. Председателя сельсовета убили, и дочь, и жену. А печать забрали...

О бандах Алехин знал, но о случае в Соломенцах не слышал. А деревня эта была неподалеку, и Алехин подумал, что в лесу, где будут вестись поиски, можно напороться не только на мины или на мелкую группу, но и на банду – запросто.

– Как же мне в госпиталь? – продолжал Васюков. – Да я здесь как на посту! Один-одинешенек – и печать передать некому. За мной вся вёска смотрит. Лягу в госпиталь, а подумают: струсил, сбежал! Не-ет! Не могу... Я здесь – советская власть, понимаете?

– Понимаю. Я только думаю: ну а в случае чего – что вы сможете?

– Всё! – убежденно сказал Васюков, и лицо его сделалось злым. – Партийный я – живым не дамся!

Их нагнали две женщины, босые, в платочках, и, сказав обычное: «День добрый», пошли в стороне, несколько поотстав, – очевидно, им нужен был председатель, но говорить с ним при Алехине они не хотели или же не решались.

Близ проулка Алехин простился с Васюковым, причем тот попытался улыбнуться и тихонько, вроде виновато или огорченно сказал:

– И какой же я председатель: образования – три класса. А никуда не денешься – другого нету!

Отойдя шагов тридцать, Алехин оглянулся: подпрыгивая на костылях, Васюков двигался посреди улицы, на ходу разговаривая с женщинами. Позади него, силясь не отстать, бежал малыш с краюшкой, зажатой в руке.

5. Чистильщик-стажер гвардии лейтенант Андрей Блинов

Лес этот с узкими, заросшими тропами и большими участками непролазного глушняка местами выглядел диковато, но вовсе не был нехоженым, каким казался со стороны, – он был изрядно засорен и загажен войной.

Разложившиеся трупы немцев в обмундировании разных родов войск, ящики с боеприпасами и солдатские ранцы, пожелтевшие обрывки газет, напечатанных готическим шрифтом, и пустые коробки от сигарет, фляги и котелки, бутылки из-под рома, заржавевшие винтовки и автоматы без затворов, сожженный мотоцикл с коляской, миномет без прицела и даже немецкая дивизионная пушка, невесть как затащенная в глубину леса, – что только не встречалось на пути Андрею.

Все это явно не имело отношения к тому, что его интересовало, – он проходил мимо, не останавливаясь.

Единственно, что на минуту задержало его внимание в первой половине дня, – старый, разложившийся труп в полуистлевшем белье, с обрывком толстой веревки вокруг шеи. Явно повешенный или удушенный – кто?... кем?... за что?...

Такого обилия грибов и ягод, как в этом безлюдном лесу, Андрей никогда еще не видел. Сизоватые россыпи черники, темные, перезрелые земляничины, должно быть невероятно сладкие, – он не сорвал ни одной, дав себе слово поесть досыта только после того, как что-либо обнаружит.

Однако свежих – суточной давности – следов человека в этом лесу не было. Ни отпечатков ног, ни разорванной паутины, ни остатков пищи или костра, ни погнутых стеблей или примятости, ни свежесломанных веток, ни иных следов – ничего.

Над лесом и будто над всей землей стояла великолепная тишина. В жарком тускло-голубом небе не появлялось ни облачка. Как только он оказывался на солнце, горячие лучи припекали голову, жгли сквозь гимнастерку плечи и спину.

В полдень, присев на несколько минут в тени на берегу ручья, Андрей съел кусок консервированной колбасы с ломтем черного хлеба, напился, обмыл лицо и, перемотав портянки, продолжал поиски.

О минах он не забывал ни на минуту, но попались они ему только в одном месте – у развилки лесных дорог.

Он на расстоянии заметил пятно высохшей пожелтелой травы размером с большой носовой платок. Подойдя, привычно лег рядом, снял дерн, осторожно разрыл землю, пошарил пальцами по бокам ямки и внизу – минуты две спустя «шпринг-мина», обыкновенная немецкая противопехотка S-34, лишенная взрывателя, вывинченного Андреем, валялась за кустом.

Он прошел не более двадцати метров, когда увидел впереди, на зеленом фоне травы, такое же желтое пятно.

Во вчерашнем инструктаже он ничуть не нуждался. В полку на Смоленщине и Витебщине ему довелось разрядить сотни, а может, тысячи таких мин с взрывателями нажимного и натяжного действия, обычных и со всякими «сюрпризами». Он мог обезвреживать их в темноте, с закрытыми глазами и делал это теперь, после восьми часов безрезультатного хождения по лесу, с чувством заметного удовлетворения. Он разряжал четвертую, когда подумал: к чему все это? зачем?

Если там, на передовой, снятые мины были показателем боевой деятельности взвода и его самого как командира, то здесь они никого не интересовали, поскольку не имели отношения

к делу – к разыскиваемой рации и агентам. Они были всего лишь особенностью местности, где велись поиски.

И, подумав об этом, он не стал более терять на них время и последние две просто обозначил вешками, а разряжать не стал.

И снова шагал, упорно двигая ногами в густой лопушистой траве. Пробираясь целиком, поминутно отклонял руками ветки, обрывал разгоряченным лицом паутину, пролезал под нижними сучьями. Стремясь ничего не пропустить, беспрестанно вертел головой, отчего болезненно ныла шея. Ставший необычайно тяжелым пистолет оттягивал карман и растирал ляжку, взмокшие потом гимнастерка и шаровары липли к телу, жаром горели в сапогах натруженные ноги.

Ему, как и его товарищам, неделями приходилось спать по четыре-пять часов в сутки. Постоянное недосыпание изнуряло даже двужильного Таманцева; Андрей же подчас прямо-таки валялся с ног. И сейчас он находился в том гадком состоянии, когда хочется только спать: упасть в любом месте и спать, спать и спать. С трудом преодолевая себя, спотыкаясь усталыми ногами об обнажившиеся кое-где корни, он настойчиво шагал так похожими одна на другую заросшими тропинками...

6. Старший группы капитан Алехин Павел Васильевич

Первый день ничего, по существу, не дал.

Кроме Шиловичей я побывал еще в Каменке и в Новоселках – деревнях, прилегающих к Шиловичскому лесу с противоположной стороны, – и на двух десятках окрестных хуторов.

Те, кого мы искали, навряд ли находились в лесу. Представлялось вероятным, что вчера или позавчера они проникли туда, а после передачи, не теряя времени, тотчас скрылись; естественно было полагать, что на подступах к лесу их кто-нибудь видел.

Двое неизвестных, замеченных Васюковым, несомненно заслуживали нашего внимания, однако принимать их за рабочую версию следовало с существенными оговорками. Во-первых, Васюков не видел, взялись ли эти двое из леса или двигались до того вдоль опушки, – может, в лесу они и не были? Во-вторых, передача велась с участка, расположенного ближе к Новоселкам, чем к Шиловичам, и, чтобы оставить массив и побыстрее удалиться от места выхода рации в эфир, разумнее было не идти через весь лес, а по-скорому выбраться там на оживленное шоссе и сесть на попутную машину. И в-третьих, – самое для нас огорчительное, – Васюков видел неизвестных на значительном расстоянии, не разглядел и не смог хотя бы приблизительно обрисовать их внешность.

Я без труда нахожу общий язык с крестьянами, а интересовал меня простой и, казалось бы, безобидный вопрос: кого из незнакомых людей встречали или видели в последние дни близ леса и неподалеку? Понятно, я не спрашивал об этом прямо – как и обычно, приходилось конспирировать.

Я побеседовал, наверное, не менее чем с полусотней человек – в основном с женщинами, стариками и подростками, – полагаю, из них лишь двое, бывшие партизаны, были со мной по-настоящему откровенны, остальные смотрели настороженно и говорили, что ничего не знают.

– Темный народ, забитый, – жаловался мне в Лиде начальник милиции. – Западники, известное дело. Слова из них не вытянешь...

Такие суждения я слышал не раз, и доля истины в том имела, впрочем, я хорошо понимал и этих «темных» людей.

За пять последних лет здесь четырежды круто менялась жизнь: сначала санационная¹¹ Польша, затем – присоединение к советской Белоруссии, потом война – она пришла сюда на вторые сутки – и кровавая немецкая оккупация и, наконец, снова – уже второй месяц – советская власть.

Причем, помимо официальных сил, были весьма действенные и нелегальные. Во время оккупации в лесах хозяйничали партизаны, теперь же рыскали различные банды, остаточные группы немцев, встречались и мелкие шайки обыкновенных дезертиров.

В действиях враждебных нелегальных сил было и общее: внезапность появления, жестокость, пренебрежение человеческими жизнями, имелись и свои особенности. Аковцы, устраивая засады, обстреливали на дорогах автомашины, убивали в первую очередь военнослужащих, ввязывались в бои даже с небольшими подразделениями Красной Армии. «Зеленые» – банды литовских националистов, – наведываясь с севера, расправлялись с коммунистами и сельсоветчиками, вырезая подчас без разбору целые семьи, грабили нещадно крестьян. Немцы и власовцы были осторожны: в деревни обычно не заходили, нападали только в лесах, на глухих дорогах и на хуторах, не оставляя, однако, в живых ни одного свидетеля, – они старались себя не обнаруживать, чтобы избежать возможного преследования и уничтожения.

Со всеми этими страшными силами местные жители оказывались, как правило, один на один; они пребывали в постоянном страхе перед любым пришельцем, ожидая от каждого

¹¹ Название реакционного режима в Польше в 1926–1939 гг., установившегося под лживым лозунгом «оздоровления».

только насилия, ограбления или смерти и не без основания полагая, что короткий язык – хоть какой-то залог покоя и личной безопасности. Моя же форма их едва ли в чем убеждала, поскольку наше армейское обмундирование пользовали и аковцы, и «зеленые», и власовцы, и даже немцы.

Отмолчаться подчас стремились и местные должностные лица. Весьма характерный разговор произошел у меня в Каменке.

Обязанности председателя сельсовета там исполнял старый носатый крестьянин-белорус с реденькими выцветшими усами и самокруткой в зубах. Сидя за столом посреди пустой грязной хаты, он увлеченно играл в шашки с длинноногим подростком, посыльным, и даже не скрыл своего огорчения, что им помешали.

Трое стариков, вооруженных немецкими винтовками, охраняли сельсовет снаружи. Они ввалились следом за мной и молча наблюдали, как «старшина» проверял мои документы, затем, потоптавшись, вышли вместе с мальчишкой.

Как и в Шиловичах, я отрекомендовался представителем по расквартированию и предъявил вместе с командировочным предписанием не красную книжечку с пугающей надписью: «Контрразведка Смерш», а офицерское удостоверение личности.

Старик показался мне простоватым и словоохотливым, но это только с первого взгляда.

Он действительно охотно говорил на разные общие темы, например про хлеба и дороговизну, про нехватку мужчин или тягла, на что пожаловался трижды, видимо опасаясь, что я попрошу подводу. Однако за время нашей беседы он умудрился не назвать почти ни одной фамилии, ни словом не обмолвился о бандах, будто их и не было; меж тем я проникся мыслью, что именно их он более всего боялся.

Он ловко уклонился от разговора о тех, кто сотрудничал и ушел с немцами, на вопрос же о Шиловичском лесе коротко заметил: «Мы туда не ходим». И начал о другом.

На счету у меня была каждая минута, а он пространно рассказывал, и я был вынужден слушать, как дети его соседки, играя, чуть не спалили хату или как баба, по имени Феофина, родила весной двойню, причем у девочки белые волосики, а у мальчика черные, к чему бы так?

При этом он все время простецки, добродушно улыбался и дымил свирепым самосадом, лицо же его, казалось, говорило: «Пойми, ты приехал и уехал, а мне здесь жить!»

После Каменки я заглянул на хутора, окаймлявшие Шиловичский массив с северо-запада.

Одинокие хаты с надворными постройками тянулись вдоль леса на значительном расстоянии друг от друга, каждая посреди своих огородиков, рощиц и крохотных полей. Я заходил во все, где были хозяева, но не услышал и не увидел ничего для нас интересного.

Хижняк должен был к двум часам подъехать и в условленном месте ожидать меня. В начале третьего я направился к шоссе, чтобы, оставив в машине погоны, пилотку и документы, идти в лес осматривать свой участок.

Я спешил орешником, когда различил позади приближающиеся шаги. Оглянулся – никого. Прислушался: меня определенно кто-то догонял. Сдвинув на ходу предохранитель ТТ, я сунул пистолет в брючный карман и, выбрав подходящее место, мгновенно спрятался за кустом.

Вскоре я увидел того, кто торопился мне вслед. По орешнику быстро шел, почти бежал черноволосый горбатый мужчина, приземистый, тщедушный, лет сорока, в истрепанном пиджаке и таких же стареньких, с большими заплатами на коленях и сзади брюках, заправленных в грязные сапоги.

С этим крестьянином я беседовал не далее чем час назад в его хате, где кроме него в тот момент находились еще две женщины, как я понял, жена и теща.

Я заметил, что перед моим приходом у них что-то произошло, ссора или серьезная размолвка. В лицах у всех троих проглядывала какая-то встревоженность или расстройство. У

женщин, особенно у старшей, были красноватые, с припухшими веками, явно заплаканные глаза. Сам горбун смотрел с плохо скрываемой боязнью; он говорил по-польски, отвечал односложно, тихо, то и дело повторяя: «Не розумем... Не вем»¹².

Сейчас, миновав меня, он сделал еще с десяток шагов, остановился и прислушался, наверно пытаясь определить, куда я делся. Затем обернулся, увидев меня, испуганно вздрогнул и в замешательстве проговорил:

– Дзень добры, пане...

– День добрый, – невозмутимо ответил я, хотя мы с ним уже здоровались и по логике следовало бы спросить: «Что вам от меня нужно?»

Несомненно, он бежал за мной. Я смотрел выжидательно. Капли пота блестели на его небритом разгоряченном лице; выпуклая уродливая грудь дышала часто и возбужденно. Его грубые сапоги до верха голенищ были запачканы засохшим навозом.

– Пан товарищ... – испуганно оглянувшись, начал он, тут же умолк и снова прислушался. – Пан официэр...

* * *

Он говорил по-польски, взволнованно, сбивчивым полупшепотом; очень многого я не понимал, все время переспрашивал и минут за тридцать нашей беседы с немалым трудом уяснил суть.

Рассказывая, он то и дело оглядывался или, сделав мне знак, умолкал и напряженно прислушивался. Я дважды поинтересовался причиной его беспокойства, но оба раза он, вероятно не понимая, лишь недоуменно пожимал плечами.

Расставшись с ним и держа путь к машине, я обдумывал его рассказ.

То, что я сумел понять, выглядело так.

Вчера на рассвете он, Станислав Свирид, разыскивая корову, не вернувшуюся вечером к дому, увидел неподалеку от опушки Шиловичского леса трех человек в советской военной форме. Они прошли гуськом поблизости, но он притаился в ельнике, и его не заметили. В переднем он узнал Павловского Казимира, двух других видел впервые.

По словам Свирида, во время оккупации этот Павловский служил немцам где-то под Варшавой, якобы в полиции, на какой-то ответственной должности; во всяком случае, получал большие деньги. (О больших деньгах, как мне показалось – с оттенком зависти, Свирид упомянул трижды.) Неоднократно Павловский приезжал на побывку к своему отцу, жившему на соседнем хуторе; был он всегда в цивильном и в шляпе, но, как уверял Свирид, якобы имел офицерский чин и награды от немцев.

По словам Свирида, отец Павловского, по национальности немец, в настоящее время арестованный, находился в Лиде, а родная тетка проживала в Каменке.

Собственно, по лесам в разных шайках бродили и бывшие полицейские, и всякие пособники, не успевшие уйти с немцами. Занимались ими местные органы и маневренные группы войск НКВД, нас же они интересовали лишь в той мере, в какой представляли опасность для армии и тылов фронта.

Настораживало в этой истории другое.

Публика в шайках собиралась неоднородная, одетая и вооруженная весьма по-разному. Свирид же уверял, что эти трое были чуть ли не в одинаковом нашем офицерском обмундировании, причем у двоих наверняка были советские автоматы.

И второе. При отступлении немцев полицейские обычно уходили с ними на Запад. Павловский же, служивший где-то под Варшавой, наоборот, оказался почему-то километров на две-

¹² Не понимаю... Не знаю (польск.).

сти восточнее, по эту сторону фронта, – каким образом? В то же время я понимал, что его пребывание близ Шиловичского массива за тринадцать часов до выхода разыскиваемого передатчика в эфир могло быть и чистой случайностью.

Меня занимало: чем был так обеспокоен Свирид и почему у себя в хате он отмалчивался, а затем, очевидно, следил за мной, догнал и все рассказал?

Многое относительно Павловского еще требовалось узнать, проверить и уточнить как в Лиде, так и здесь, на месте, безотлагательно. Но сейчас я не мог терять даже минуты: меня ждал лес.

7. Гвардии лейтенант Блинов

На глаза ему попался старый дуб. Небольшое дупло таинственно чернело в стволе дерева примерно в метре над головой Андрея. Несколько секунд он стоял, размышляя. «А вдруг? ...» Подпрыгнув, ухватился за край дупла, подтянулся и, опираясь кромками подошв о кору, всунул руку – труха, гнилая труха. В тот же миг нога соскользнула, и он сорвался вниз, едва не сломав руку и до крови ободрав запястье.

Если поутру этот глуховатый, ничем не примечательный лес представлялся ему особенным и значительным, представлялся тем самым местом, откуда велась передача, если утром Андрей был полон уверенности и надежд, волновался и ждал, то под вечер с каждым часом он все менее и менее верил, что удастся что-либо обнаружить.

В самом деле, легко ли сыскать среди такого массива следы тех, кто радировал, и почему они должны были наследить – это вовсе не обязательно. И потом – сколь точно определено место выхода? Андрей знал, что действительное положение пеленгуемой рации будет всегда несколько в стороне от предположительно найденного и что погрешности при пеленгации могут иногда достигать нескольких километров.

Более всего его угнетало ощущение своей неполноценности. Если до ранения, в полку на передовой, он был не хуже других командиров взводов, а порой и лучше, то здесь, в группе, он был из троих самый слабый по опыту, умению и, естественно, по результатам. И сколь он ни старался, но в общем-то каждый раз оказывался в той или иной степени иждивенцем Алехина и Таманцева, и мысль об этом постоянно удручала его.

Когда солнце склонилось к горизонту, он пошел на восток, чтобы дотемна выйти к Шиловичам, и вскоре забрел на обширную болотину, покрытую мхом, ржавчиной и мелким ольшаником. Выдерживая направление, он продолжал двигаться напрямую, однако ноги вязли все глубже, ржавая гнилая вода заливалась в голенища.

Он мучительно припоминал карту. Болото в этом месте вроде не значилось, или он просто не обратил внимания. Лес виднелся вокруг на одинаковом примерно расстоянии, надо было только решить, как лучше выбраться.

Он осматривался, когда услышал в отдалении две короткие автоматные очереди и тотчас еще одиночные выстрелы, и прежде всего подумал об Алехине и Таманцеве. Не теряя и секунды, он бросился бежать вправо, в ту сторону, где стреляли, с трудом выдирая ноги и проклиная и это болото, и свою невезучесть. На ходу он все время прислушивался, ожидая услышать условный сигнал манком: «Необходима помощь!» – однако над лесом снова царил тишина. Что там произошло? ... Ни у Алехина, ни у Таманцева не было с собой автоматов. Кто же стрелял первым? Кто и в кого? ... Неужто Алехина или Таманцева подловили, как Басоса? ...

Выбиваясь из сил, он достиг окраины болота, почва под ногами стала тверже, сапоги погружались только по щиколотку. За узкой полосой ветвистого ольшаника высились большие деревья. Торопливо продираясь кустарником, Андрей выскочил на крохотную полянку, поросшую осокой, и влево у кустов увидел бьющий из земли родник, обложенный черными, словно обугленными коряжинами, наполовину ушедшими в землю.

Став на колени у бочажка, он припал к воде и жадно пил, одновременно поспешно умывая разгоряченное лицо. Студеная прозрачная вода отдавала болотом и жестоко щемила зубы.

Он выпрямился на коряжине, прислушиваясь, и в следующее мгновение замер от неожиданности. ... На темной болотной земле, шагах в трех от себя, он увидел то, что искал весь день и о чем можно было только мечтать, – свежие отпечатки армейских сапог, свеженькие, еще не успевшие выветриться. ...

8. Старший лейтенант Таманцев

Было около шести; времени до возвращения оставалось немного, и он решил заглянуть к заброшенной смолокурне, находившейся южнее, в каких-нибудь двух километрах. Его тянуло туда с самого утра, наверно, потому, что стоящие отдельно в лесу или пустынном месте строения всегда привлекают.

Трупный запах он почувствовал издалека. Когда же, ориентируясь преимущественно по солнцу, вышел к тому месту, где в прошлые годы курили смолу, смрад разложения стал совсем непереносимым.

Хоронясь за кустами, он несколько минут прислушивался и рассматривал поляну, протекающий по ней ручей и то, что осталось от смолокурни.

Бревенчатые постройки вправо от него были разрушены и частично пожжены; там же торчал дымоход разваленной наполовину смолокурной печи с остатками вмурованного в нее котла. Поручено все это было не теперь, когда проходил фронт, а раньше: остатки строений и печь успели замшеть и порости травой.

Влево, ближе к Таманцеву, на высоком крепком фундаменте стояла каменная коробка одноэтажного дома без крыши и без стропил. Внимание его привлекли пустые оконные проемы, вернее, прилегающие к ним снизу и по бокам участки стены, густо усеянные шербинами. Что здесь недавно была перестрелка, он отметил еще раньше по следам на кустах и на стволе дерева – судя по срезанным пулями увядшим веточкам и листьям, случилось это дней восемь – десять назад.

В зловонной тишине едва слышно журчал ручей, из леса доносилось негромкое пение птиц, но ни звуков, ни каких-нибудь признаков пребывания здесь или вблизи человека Таманцев не обнаружил.

Под прикрытием кустов он перешел левее, откуда до остова здания оставалось всего метров десять, и в углу, между стеной и крыльцом, увидел раздутый, обезображенный труп немца. На лице трупа, точнее, на обклеванном до костей светлом черепе, неподвижно сидел большой иссиня-черный ворон с длинным изогнутым клювом. Веселенький натюрмортик, нечего сказать!

Переложив пистолет из заднего кармана брюк в боковой, Таманцев рывком достиг крыльца и взбежал по ступенькам. При его появлении стервятник недовольно взлетел, а когда он вскочил в здание, с громким карканьем метнулись в окна десятки ворон.

На темном полу среди разного хлама, пустых консервных банок, кусков штукатурки и бесчисленной россыпи стреляных автоматных гильз лежало в различных позах семь трупов – немцы. Все они были без сапог и без кожаных ремней, с обклеванными вороньем черепами и конечностями, двое – без мундиров, а один – без брюк, в грязных-прегрязных подштанниках. Сотни синеватых мух роились на мертвечине.

В соседнем, меньшем по размеру, помещении у окон оказалось еще четыре обезображенных тлением и стервятниками трупа.

Сбродные были фрицы: один в темной, с брюками навывпуск танкистской форме, шестеро в эсэсовском обмундировании, остальные в серовато-мышинном, пехотном. По тысячам патронных гильз – возле оконных проемов они сплошь устлали пол, – по отбитой на стенах штукатурке и расположению трупов можно было представить, как все это произошло, – заняв круговую оборону, они отстреливались ожесточенно, однако их всех перебили автоматнo-пулеметным огнем и брошенными сюда гранатами. Приняв в соображение жару и влажность этого места, а также по цвету пятен крови Таманцев определил примерно и возраст трупов: пять – семь суток, не меньше.

От нестерпимого смрада он буквально задыхался и с радостью бежал бы в лес подальше, но, коль уж забрел сюда, следовало осмотреть все как положено.

В первом помещении, влево, у окна вытянулись рядом трупы двух эсэсовцев, большой и малый. И, остановив взгляд на меньшем, Таманцев по фигуре определил: женщина!

Она лежала спиной вверх, в форменных эсэсовских брюках и офицерском мундирчике РОА¹³ без погон. От презрения он даже сплюнул и в то же мгновение боковым зрением – уголком глаза – уловил, как на краю поляны против окна шевельнулась ветка куста. Он стремглав пригнулся – тотчас автоматные очереди прошли воздух над его головой. Выставив над подоконником ствол пистолета, он, не выглядывая, выстрелил дважды туда, где шевельнулась ветка. В следующее мгновение он отпрянул в угол, за кафельную печь, чтобы иметь каменные стены за спиной и прикрытие спереди на случай, если сюда бросят гранату. Сколько их и кто они?! По звуку – стреляли из немецких автоматов. С двумя пистолетами и запасными обоймами – дорого же он им дастся! Он ожидал услышать голоса, крики команд, ожидал нападения, а различил лишь шорох шагов, причем удаляющихся.

Очевидно, их было мало и они не решились. Он прополз между трупами к дверному проему, огляделся и спустя мгновения был в кустах с противоположной стороны. Никто не стрелял, и вообще не было слышно ни шороха, ни звука. Не менее минуты он выжидал, потом с пистолетом наготове, огибая поляну, прокрался к тому месту в кустах, откуда в него стреляли. Здесь в траве полно было гильз от ППШ¹⁴, не сегодняшних, начавших темнеть, и он не сразу нашел то, что его интересовало, – четыре, а затем отдельно еще пять свеженьких гильз от немецкого автомата. Он продолжал искать и дальше в лесу обнаружил на траве и на листьях внизу капли крови. Они были овальной формы с ответвлениями в сторону движения раненного им человека – тот поспешно удалялся от поляны.

Теперь он мог определенно сказать: стрелявших было двое и вооружены они были немецкими автоматами. Одного он ранил, и они скрылись, не пытаясь больше его убить или захватить. Скорее всего, он напоролся на каких-нибудь шальных, блуждающих фрицев или же на аковцев.

В первую минуту он решил было преследовать и настичь их, но, взглянув на часы, удержался. Солнце уже спустилось к горизонту, быстро темнело, а обнаружить в густом лесу с наступлением сумерек мелкую группу или одиночного противника чрезвычайно трудно, практически невозможно.

Он возвращался опушкой к Шиловичам, обдумывал происшедшее и мысленно ругал себя. Прослушать их приближение он не мог. Значит, они подошли туда раньше, услышав его шаги, затаились, и он их вовремя не обнаружил. «Кулёма!.. Пижон!.. Скотина безрогая!..»

¹³ РОА – Русская освободительная армия.

¹⁴ ППШ – пистолет-пулемет Шпагина.

9. Оперативные документы

Записка по ВЧ

«Срочно!

Полякову На №... от 13.08.44 г.

1. Длина рабочей волны передатчика, разыскиваемого по делу „Неман“, соответствует одному из диапазонов аковской радиосвязи. К тому же в начале второго перехвата повторяются три одинаковых цифровых сочетания, которые, возможно, расшифровываются как 999 или 555. Наличие этих знаков перед текстом при радиосвязи АК[овцев] с лондонской центральной соответственно означает: „оперативный“ или „в собственные руки главнокомандующего“.

2. Шиловичский лесной массив находится в 140 километрах к западу от места первого выхода радиции в эфир; перемещение передатчика соответствует направлению движения остаточных групп немцев, пытающихся лесами пробраться к линии фронта.

Сообщите, учтены ли Вами эти обстоятельства при проведении розыскных мероприятий.

О ходе розыска докладывайте каждые сутки.

Устинов»

Записка по ВЧ

«Москва, Устинову На №... от 14.08.44 г.

Обстоятельства, на которые Вы обращаете наше внимание, нами ранее уже учтены и все органы контрразведки фронта по обеим версиям ориентированы.

Поляков»

10. Алехин Павел Васильевич

С майором, начальником Лидского отдела госбезопасности, у меня были свои, особые отношения.

Собственно, по закону, без официального в каждом случае запроса, он не имел права сообщать мне какие-либо сведения. Однако мы не раз помогли ему, и не только машиной и бензином, с чем у них было совсем худо; в свою очередь, он старался всячески идти нам навстречу.

Я намеревался при содействии майора хоть что-нибудь узнать о ряде людей, в том числе о Павловском и Свириде. И еще мне хотелось посмотреть следственные дела лиц, арестованных в последние дни и недели в той части района, где находился Шиловичский лес, а может, и побеседовать кое с кем из них.

Как назло, в этот поздний час в кабинете кроме самого майора находилось еще его начальство – незнакомый мне подполковник из Барановичей. Я представился и был вынужден в двух словах упомянуть, что интересуюсь Шиловичами и Каменкой.

Услышав это, подполковник поднялся и, расхаживая по кабинету, произнес целую речь. Смысл ее состоял в том, что Шиловичский массив занозой сидит на территории области и что у них нет сил и возможностей очистить, или, как он выразился, «обезвредить», его. Это дело армии, но, мол, нас это ничуть не волнует, поскольку коммуникации фронта проходят в стороне, что же касается жизни района, безопасности местных жителей и властей, то нам, мол, нет до них никакого дела.

Вот так всегда. Армия считает нас органами госбезопасности, а органы считают нас армией.

Он говорил громко и с пафосом, словно выступал на трибуне. Я попал как кур во щи. Он обращался ко мне так, будто я был, по крайней мере, командующим армией и при желании мне ничего не стоило выделить потребные силы (как я прикинул, не менее трех тысяч человек), чтобы «обезвредить» Шиловичский лес.

Я бы многое мог ему сказать, но противоречить в таких ситуациях – пустая трата времени. К тому же мне смертельно хотелось спать.

Он вещал, а я сидел перед ним на табурете, делая вид, что внимательно слушаю, и даже согласно кивал головой; в одном же месте, заметив улыбку на лице майора, я тоже как дурак улыбнулся. Более всего я боялся, что забудусь хоть на мгновение, усну и свалюсь.

Наконец он умолк и, сопровождаемый майором, отправился отдыхать. Я спуускался за ними по лестнице, лихорадочно измышляя предлог, чтобы отозвать майора в сторону и переговорить.

Внизу, извиняясь перед начальством, он заскочил в кабинет, где сидел дежурный – румяный усатый капитан с орденом Красного Знамени на гимнастерке. Я вошел следом и, прикрыв за собой дверь, без обиняков сказал, что мне надо чуть позже позвонить начальству по ВЧ.

– Открой ему кабинет, – вешая ключ на доску, приказал майор дежурному.

– И не в службу, а в дружбу, – мгновенно продолжал я, – разреши посмотреть следственные дела.

– «Тетенька, дайте попить, а то так есть хочется, аж переночевать негде!» – оборачиваясь, не без ехидства заметил майор и велел дежурному: – Передай Сенчиле, пусть покажет... Только карателей и пособников!.. Ты извини – начальство. – Кивнув в сторону двери, он торопливо сунул мне руку. – Заскакивай завтра.

«Только карателей и пособников!..» И за это спасибо... На большее я и не рассчитывал.

– Минутку. – Удерживая его ладонь, я бесцеремонно загородил дорогу. – Ты на Каменских хуторах горбуна Станислава Свирида знаешь? Чернявый такой... нервный.

– Не знаю, – выдернув руку и обходя меня, сказал майор. – И фамилия не встречалась.
– А Павловского?
– Какого? Один сидит у нас.
– Это старший. – Сам удивляясь своей настырности, я у самого выхода ухватил майора сзади за рукав. – А сын?
– У него два сына. – Открыв дверь, майор проворно ступил через порог и уже из коридора повторил: – Заскакивай завтра...

Немного погодя я сидел в чем-то пустом прокуренном кабинете и при тусклом свете керосиновой лампы просматривал следственные дела бывших старост, полицейских и других пособников немцев.

В протоколах значились весьма стереотипные вопросы и почти одними и теми же словами фиксировались ответы подследственных. Большинство из них было арестовано еще несколько недель назад. Ничего для нас интересного. Совершенно.

«... Расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы выдали немцам семью партизана Иосифа Тышкевича?...»

«... Перечислите, кто еще кроме вас участвовал в массовых расстрелах советских военнопленных в Кашарах в августе 1941 года?»

«... При обыске у вас обнаружены золотые вещи: кольца, монеты, бывшие в употреблении зубные коронки. Расскажите, где, когда и при каких обстоятельствах они к вам попали?»

Понятно, они боролись за жизнь, отказывались, отпирались. Тоже довольно однообразно, одинаково. Их уличали свидетельскими показаниями, очными ставками, документами.

Каратели, убийцы, мародеры – но какое отношение они могли иметь к разыскиваемой нами рации и вообще к шпионажу? Зачем они нам? Зачем я трачу на них время?

А вдруг?...

Это «а вдруг?» всегда подбадривает при поисках, порождает надежду и энергию. Но я клевал носом и еле соображал. Чтобы не заснуть, я попытался петь – меня хватило на полтора или два куплета.

Дело Павловского-старшего выглядело точно так же, как и другие, – сероватая папка, постановление об аресте, протоколы допросов и далее неподшитые рабочие документы.

Он был арестован как фольксдойче, за измену Родине, однако, что он совершил криминального, кроме подписания фолькслиста и попытки уйти с немцами, я так и не понял.

И не только я. За протоколами следовала бумажка с замечанием начальства:

«Тов. Зайцев! Не вскрыта практическая предательская деятельность П. Необходимо выявить и задокументировать».

Задавался, между прочим, Павловскому и вопрос о сыновьях, на что он ответил:

«Мои сыновья, Казимир и Николай, действительно служили у немцев на территории Польши в строительных организациях, в каких именно – я не знаю. Никакие подробности их службы у немцев мне не известны».

Вот так. В строительных организациях. А Свирид уверял, что в полиции. На ответственной должности.

Собственно, полицаи и другие пособники нас мало интересовали. Однако меня занимало: что делал Казимир Павловский и двое с ним в день радиосеанса вблизи Шиловичского леса? Как он оказался там? И почему все трое экипированы одинаково, в наше якобы офицерское обмундирование? Для того чтобы лазать по лесам, это не нужно, более того – опасно. Впрочем, я допускал, что относительно их вида, деталей внешности Свирид с перепугу мог и напутать.

* * *

Минут десять спустя, сидя у аппарата ВЧ в кабинете начальника отдела, я ждал, пока меня соединят с подполковником Поляковым.

Я звонил, чтобы доложить о ходе розыска и в тайной надежде, что в Управлении уже получен текст расшифровки или, может, какие-нибудь новые сведения о передатчике с позывными КАО и о разыскиваемых.

Такая надежда в тебе всегда. И вовсе не от иждивенчества. Сколь бы успешно ни шли дела, никогда не забываешь, что группа не одинока, что на тебя работают, и не только в Управлении. Кто-кто, а Поляков не упустит проследить, чтобы делалось все возможное повсюду, в том числе и в Москве.

Наконец в трубке послышался негромкий, чуть картавый голос подполковника, и я весьма отчетливо представил его себе – невысокого, с выпуклым шишковатым лбом и чуть оттопыренными ушами, в гимнастерке с измятыми полевыми погонами, сидевшей на нем свободно, мешковато. Я представил, как, слушая меня, он, сидя боком в кресле, станет делать пометки на листе бумаги и при этом по привычке будет время от времени тихонько пошмыгивать носом как-то по-детски и вроде обиженно.

Я стал докладывать о ходе розыска, рассказал о следах у родника и о том, как обстреляли Таманцева, о разговорах с Васюковым и Свиридом. Во всем этом не было ничего значительного, но он слушал меня не перебивая, только изредка поддакивал, уточнял, и я уже понял: ничего нового у них нет.

– Что делал Павловский и двое с ним в день радиосеанса вблизи Шиловичского леса – это вопрос... – когда я умолк, произнес он. – Как оказался там?... Значит, так... Павловский Казимир, или Казимеж, Георгиевич, тысяча девятьсот семнадцатого или восемнадцатого года рождения, уроженец города Минска (неточно), по документам предположительно белорус или поляк... Да-а, негусто... Проверим по всем материалам розыска... Теперь, Павел Васильевич, относительно текста... Генерал только что разговаривал с Москвой. Дешифровки еще нет. И наши бьются пока без результата. Но я надеюсь, что завтра или послезавтра текст будет. А пока дожимайте лес!..

11. В лесу у родника

Хижняк разбудил их затемно. Наскоро позавтракав, они до солнца уже были в лесу.

Все вокруг еще спало предрассветным сном. Они шли узенькой дорогой, оставляя темные полосы следов на серебристо-белой от росы траве. Таманцев недовольно оглядывался. Впрочем, день обещал быть жарким: сойдет роса – и полосы-следы исчезнут. А пока воздух прохладен и полон пахучей свежести – шагать бы вот так налегке и шагать...

Андрею мучительно хотелось заговорить. Ведь вскоре придется разойтись и провести весь день в одиночестве. Но говорить можно лишь о деле (а что ему сказать?), да и то шепотом. «Лес шума не любит», – не раз замечал Алехин.

Спустя полчаса Андрей вывел их к роднику. По ту сторону коряг, на темной болотной земле, под кустом, как и вчера, отчетливо виднелись отпечатки сапог. Балансируя на длинной изогнутой коряжине, Таманцев и Алехин присели на корточки и рассматривали следы. Вытянув из кармана нитку с разноцветными узелками, Таманцев промерил длину отпечатка, длину и ширину подметки и каблука. Затем, посплюнув палец, приложил его к следу – земля почти не липла.

Еще около минуты он разглядывал отпечатки и трогал их, осторожно касаясь краев сильными пальцами.

– Немецкий офицерский сапог. Массового пошива, – выпрямляясь, наконец промолвил он. – Размер соответствует нашему сорок второму. Малоношенные, можно сказать, новые. Индивидуальные дефекты износа еще не выражены. След сравнительно свежий, давностью не более двух суток. Отпечаток случайный: тот, кто пил, оступился или же соскользнул с коряги и наследил. Это человек высокого роста: сто семьдесят пять – сто восемьдесят сантиметров.

– В-в лесу к-кто-то есть, – не выдержав, прошептал Андрей (после контузии он заикался, особенно в минуты волнения).

– Тонкое жизненное наблюдение! – фыркнул Таманцев и, помедля, продолжал: – Возможно, он был не один. Трава следов не хранит, а здесь они наверняка ступали по корягам. И если бы один не наследил, то ничего бы и не осталось.

– Р-родник не с-слышен и с д-дороги не виден, – обращаясь к Алехину, прошептал Андрей; ему очень хотелось, чтобы обнаруженные им следы оказались результативными и пригодились при розыске. – С-следовательно, з-зайти сюда могли т-только люди, з-знающие лес или б-бывавшие здесь.

– А также тот, у кого есть карта, – мгновенно добавил Таманцев. – Родник наверняка обозначен.

К огорчению Андрея, он оказался прав.

Несколько минут они втроем лазили в мокрой густой траве, осматривали кусты и деревья вокруг родника.

– Мартышкин труд! – сплюнул Таманцев, с неприязнью разглядывая следы. – Вот вам еще фактик! Который тоже ничего не дает и не объясняет. Нужен текст! – убежденно сказал он. – А без текста будем торкаться, как слепые щенята!

– Текст должны сообщить сегодня или завтра, – сказал Алехин. – Текст будет! – заверил он. – А пока мы должны отыскать место выхода и установить, кто позавчера был в этом лесу.

– «Должны... Обязаны!» – усмехнулся Таманцев. – Следы-то мы, может, и соберем, а вот людей... Кто они?... – указывая на отпечатки, спросил он. – Агенты-парашютисты?... Отнюдь! За три года я не видел ни одного обутого в новенькие немецкие армейские сапоги. Может, это аковцы?... Или немцы? А может, просто дезертиры?...

– Д-дезертиры с р-рацией?... – запротестовал Андрей.

– А кто сказал, что у них есть рация?! – ни к кому не обращаясь, холодно осведомился Таманцев. – Лично мне этот след ничего не говорит. Это отпечаток немецкого сапога. Всего-навсего! И не более!..

12. Таманцев

Жизнь – чертовски капризная штука. Изредка она улыбается, но чаще поворачивается задом и показывает свой характер. Как ни странно, в этот день она нам улыбнулась.

Около часа мы осматривали лес в окрестностях родника. В одном месте, на дороге, Паша разглядел неясные следы сапог. В траве, на глинистой влажной земле, удалось различить шесть оттисков подошв. Они оказались идентичными с обнаруженными у родника и той же давности.

И здесь и там были следы одного и того же человека. Очевидно, напившись, он прошел в сторону Каменки или к смолокурне – так мы предположили, посмотрев по карте. Не исключено, что это был один из тех, кто вчера меня там обстрелял. Но здесь-то он, по-видимому, был один. Судя по дорожке следов, он шел деловым шагом, со скоростью пять-шесть километров в час.

Паша решил проследовать в направлении его движения до опушки или даже до Каменки. Расставаясь, я ему еще раз сказал, что нужен текст дешифровки. Он поморщился, но промолчал.

Блинов и я отправились на свои участки. Мы разошлись, не подозревая, что несколько часов спустя жизнь улыбнется нам, и как – в тридцать два зуба!

Даже не знаю, что меня дернуло свернуть на ту глухую тропинку. Трудно сказать, что в таких случаях срабатывает – интуиция или верхнее чутье¹⁵. Тропка была как тропка, заросшая травой, и я все время усиленно смотрел себе под ноги. Как и вчера, немецкая противопехотная мина со взрывателем нажимного или натяжного действия более всего волновала мой организм.

Удивительно, как в высокой густой траве я ее заметил. Нет, не мину, а обыкновенную ромашку с недавно обломанной головкой, поникшей на стебельке сантиметрах в тридцати над землей. На ходу задев, повредить ее, наверно, мог и зверь, но я все же свернул туда, тем более что различил в кустах слабый просвет. Не сделал и десяти шагов – поляна. Начал ее осматривать и увидел под орешником примятую траву – квадрат размером с плащ-палатку. Я весь напрягся – наверно, такие ощущения бывают у собаки, когда она делает стойку. Я стал обыскивать все последовательно, обшаривать, разводя траву и ветви руками, и минут через двадцать в стороне, за кустами, отыскал огурец – свеженький! Причем надкушенный.

Я отрезал кусочек, пожевал и тут же выплюнул – горький. Поэтому его и выбросили. Да здравствуют горькие огурцы! Да здравствуют следы и улики!

Скинув сапоги и брюки, чтобы не зазеленить, и сунув пистолеты за ремень гимнастерки, я разбил поляну на сектора и за два с лишним часа пядь за пядью обползал на четвереньках ее всю и кусты под деревьями, по краям. Я растер колени, а левое умудрился ободрать, однако попотел не зря. В высокой густой траве, за кромкой поляны, я обнаружил второй огурец, тоже надкушенный и, как я тут же убедился, горький, а за кустом, вблизи примятости, обгорелую спичку – свеженькую! – и едва заметные в траве остатки рассыпавшегося пепла.

Это взволновало меня более всего. Следов костра поблизости не было, очевидно, от спички прикуривали или что-либо поджигали. Может, уничтожали листки шифровального блокнота?...

Пепла оказалось с гулькин нос, однако я все же смог определить, что он – увы! – не от бумаги, а табачный: от папиросы или сигареты.

Дорого бы я сейчас дал за тот самый окурок. Хотя все вокруг было осмотрено, я принялся снова обыскивать поляну...

¹⁵ *Верхнее чутье* – способность собаки улавливать запахи по воздуху, а не по следу (*охот.*).

13. Гвардии лейтенант Блинов

Впереди, за кустарником, он увидел ветхие крыши двух каких-то строений, длинный тонкий журавль и понял, что перед ним один из хуторов и что вышел он к опушке леса раньше, чем следовало.

Жажда томила его, он направился к хутору, решив напиться, а затем на час вернуться в лес. Он пробирался кустарником, когда неожиданно там, у строений, хрипло надрываясь, залаяла собака, и сквозь ветви почти одновременно Андрей разглядел старую хату, а чуть правее и дальше, метрах в двухстах от себя, увидел двух военных, подходивших к хутору с противоположной стороны. Он их наблюдал несколько мгновений, успел заметить вещмешок за плечами у одного, и тут же угол хаты скрыл их.

Андрей заторопился, забирая несколько вправо, чтобы, не обнаруживая себя, оказаться с другой стороны хаты, где уже слышались голоса, кто-то дважды прикрикнул на собаку, но она, не умолкая, лаяла и заглушала слова.

Ориентируясь по замшелой крыше и высокому журавлю, он продвинулся еще и остановился. Подойти ближе не решился – могла учуять собака – и стал выглядывать место для наблюдения.

Он выбрал корявый дуб с толстым стволом и густой развесистой кроной. Высокие кусты вплотную подступали к дереву, окружая его внизу, как цыплята наседку.

Подобравшись орешником к дубу, Андрей без шума вскарабкался на дерево и прильнул к одному из просветов в листве.

Военные, скинув гимнастерки и одинаковые выцветшие синие майки, обливались водой у колодца, перед хатой. Судя по обмундированию, это были офицеры, но в каких званиях, Андрей издалека разглядеть не мог. Он поискал глазами вещмешок, но не нашел, – наверно, его занесли в хату.

Тут же Андрей увидел хозяина – шупловатого невзрачного мужчину, босого, в темно-серых штанах и рубахе без ремня. С крышкой в руке он появился из погреба и, проходя по двору в хату, прикрикнул на собаку, что, впрочем, не оказало на нее никакого действия.

Старший из офицеров был среднего роста, лет, наверно, сорока, плотно сложенный мужчина с вытянутым носом на приметном, совершенно круглом лице и несколько коротковатыми ногами. Младший – юноша, немного выше ростом, худощавый, на вид лет двадцати, со светлыми, зачесанными назад волосами.

Они с заметным удовольствием плескали водой в лицо, терли шею, плечи, о чем-то негромко разговаривая, – ни одного слова Андрей не разобрал. Собака – рослая кудластая псина, посаженная на цепь у конуры, возле амбарчика, – время от времени лаяла, но уже без прежней злобы, а так, по обязанности.

Еще раз появился хозяин, прошел в сарай и вскоре вернулся, неся миску с яйцами. Офицеры вслед за ним ушли в хату, и Андрей принялся рассматривать хутор.

Приземистая захудалая хата с полусгнившей драночной крышей, низковатой дверью и тремя небольшими окошками на фасадной стороне.

Рядом находились: погреб с просевшей погребницей, бревенчатый амбарчик, сарай с покосившимися воротами, а за ним – десяток низкорослых яблонь.

И постройки, и ограда изрядно потемнели от старости, крыши сквозили дырами; все выглядело запустело и неприглядно.

Справа, метрах в трехстах, за деревьями, виднелся еще хутор, оттуда вроде и появились офицеры.

«Кто они?... Зачем пришли?... Какие отношения у них с хозяином?..» – размышлял Андрей; во внешности офицеров, в их поведении не было, пожалуй, ничего, что могло бы внести ясность в эти вопросы.

Прошло добрых полчаса. Из хаты никто не выходил, и он по-прежнему сидел на дереве. От соседнего хутора доносилось негромкое пение – заунывно-жалостный девичий голос:

Ты ж мая, ты ж мая пирапелка...

Жажда мучала его, руки и ноги совершенно онемели. Желая переменить положение, он переступил ногой, гнилой сук обломился, и Андрей чуть не сверзился – едва успел ухватиться одеревеневшей, дрожавшей от долгого напряжения рукою за ветвь над головой. Он тотчас замер, но собака услышала треск и залилась хриплым яростным лаем.

Она не умолкала и рвалась на цепи в том направлении, где на дереве сидел Андрей, даже когда вышел хозяин. Он сказал ей что-то, однако она продолжала лаять и рваться.

Только тут Андрей сообразил, что ветер тянет от него к хате, что собака почуяла чужого и теперь не успокоится. Не хватало еще, чтобы его обнаружили! Он увидел, как хозяин нагнулся у конуры, возможно собираясь отомкнуть цепь. Андрей буквально свалился с дерева и бросился к опушке в сторону Шиловичей...

14. Таманцев

Я потратил еще около часа, пытаясь найти окурков, однако безуспешно.

Я мог определенно сказать, что не так давно, судя по всему позавчера днем, здесь побывали два или три человека, сидели, курили и закусывали. Причем это стреляные воробьи и весьма осторожные. На месте пребывания они не оставили ни клочка бумаги, ни окурка, ни следов пищи. Оказавшиеся несъедобными огурцы заброшены далеко, за край поляны, а обгорелая спичка сунута в густой мох за кустом – обнаружить их без тщательного обыскивания практически невозможно.

Такая предусмотрительность укрепила меня в мысли, что те, кто был здесь, старались не наследить, и более того – зародила надежду, что я наткнулся на место выхода рации в эфир. Хотя от этой поляны до треугольника ошибок¹⁶, определенного при пеленгации слежечными станциями, было не меньше километра.

По обыкновению, я попытался смоделировать действия этих людей и «развернул» рацию, предположив, что передатчик находился там, где примята трава. Скинув опять сапоги, я облазил деревья на краю поляны, к западу и северо-западу от этого места, с особым вниманием осматривая ветви от нижних до самой вершины, но при всем старании никаких следов забрасывания антенны так и не нашел.

А если мои предположения ошибочны и у тех, кто позавчера побывал здесь, не было с собой никакой рации? Я стоял босой посреди поляны, побуждая свои извилины к усиленной мозговой деятельности.

Я понимал, что из огурцов, спички и примятости на траве шубы еще не сошьешь. Пока что все это – фактики в мире Галактики! А она велика и бесконечна...

В раздумье я остановил взгляд на двух высоких орешинах и дубке шагах в пятнадцати от примятости. На них я не лазил: не выдержали бы, да и росли они в стороне от «раскинутой» мною антенны.

Не без труда пригибая, я стал по очереди осматривать их и на второй орешине, на высоте метров четырех, в углублении развилки двух верхних ветвей, увидел то, что искал, – повреждение коры, свежий след – как пропилено, – забрасывали проволочную антенну с грузиком, а потом стягивали.

В таком огромном глухом массиве силами всего лишь трех человек обнаружить на вторые сутки место выхода рации в эфир – все равно что углядеть иголку в стоге сена. Или выиграть сто тысяч по лотерейному билету. Мысленно я себе аплодировал; от радости мне хотелось хлопать себя по ляжкам и кричать: «Я самый великий!»

Эмоции эмоциями, а дело делом. Достав один из манков, я приладился и, подражая голосу самки рябчика, засвистел: «Ти-уу-ти... Ти-уу-ти... Ти-уу-ти...»

Выждав с полминуты, повторил зов, и тут же в отдалении послышались ответные клики самца: «Тии-тии-тиу-ти... Тии-тии-тиу-ти...»

Наши условные сигналы означали примерно: «Желательно ваше присутствие», «Иду». Приняв мой зов, капитан уже двигался ко мне через лес. Судя по звуку, он находился от меня примерно в километре.

Пока он шел, я продолжал поиски. Под кустами, при выходе на тропу, я разглядел на земле крупинки махорки и толченого перца – присыпали следы – и снова отметил осторожность и предусмотрительность побывавших здесь людей. Я ползал на четвереньках в лопуши-

¹⁶ *Треугольник ошибок* – треугольник, образуемый синхронно точками пересечения слежечных пеленгов на искомый передатчик.

стой траве, выбирая крупинки; время от времени я подавал манком сигналы, чтобы капитан мог на ходу уточнять направление движения.

Раньше Паши, к моему удовольствию, появились настоящие рябчики: старый и два молодых петушка, ладные, с красивыми пепельно-серыми хвостами. Перелетая с дерева на дерево, они достигли края поляны и, обнаружив человека, мгновенно исчезли.

Паша даже не пытался скрыть свою радость. Не говоря ни слова, я показал ему прямоту, спичку и огурцы, а затем пригнул орешину; он увидел пропил на коре и не удержался – обнял меня. Такое за ним не водилось, и я это оценил.

– Ну а дальше? – шепотом осведомился я.

Мы обшарили все вокруг, облазили кусты и все тропинки в радиусе не менее пятисот метров, однако ничего больше не нашли. Словно те, кто вел передачу, не ступали затем по земле, а поднялись в воздух или вообще растворились. Теоретически якобы невозможно не наследить, но это только теоретически...

Я знал, что сегодня же к ночи в Москве станет известно, что в таком-то лесном массиве, большом и непроходимом (это отметят непременно), мы отыскали место выхода рации в эфир, и в сообщении, должно быть, упомянут и мою фамилию. Это, разумеется, приятно, ну а дальше?...

По существу, имелось с десяток вопросов, на которые мы должны были бы теперь ответить. Однако на три из них, пожалуй основные, мы не могли бы сказать ничего определенного:

откуда пришли и каким путем ушли те, кто вел передачу?

сколько здесь было человек (два или три?) и, главное, кто они?

откуда и кто мог их видеть на подступах к лесу?

Усталые и голодные, мы молча возвращались под вечер к Шиловичам. Мы были чисты перед начальством и перед Москвой – как ангелы. Но проку пока что от этого – шиш да кумыш!

15. Придется их устанавливать...

Не доходя Шиловичей, Андрей свернул от опушки влево, где над рощицей поднимался легкий дымок. Вскоре сквозь кустарник он различил укромную полянку, почерневший котел над костром и дюжюю фигуру Хижняка с поварешкой в руке. На траве возле костра стояли наготове чистые алюминиевые миски. Ни Алехина, ни Таманцева еще не было, и Андрея это весьма огорчило.

Уходя от хутора, он спешил сюда, чтобы сообщить об офицерах, а дальше, как он надеялся, все делалось бы по усмотрению Алехина или Таманцева. Сам Андрей при всем желании не мог определить, в какой степени эти офицеры представляют интерес и следует ли ими заниматься. Однако Алехин и Таманцев еще не вернулись, и получалось нескладно.

Взяв в машине бинокль, Андрей вышел кустами к всполью и улегся под орешинной. Прямо перед ним широкой полосой расстилалось несеяное поле, вправо было видно шоссе, слева – опушка леса.

По шоссе время от времени проезжали машины, груженные боеприпасами, ящиками и мешками с продуктами. Тупорылый тягач медленно буксировал громоздкое артиллерийское орудие; потом со стороны Лиды на северо-запад потянулся стрелковый полк.

Лежа под кустом, Андрей в бинокль разглядывал двигавшихся по шоссе солдат. В полном боевом снаряжении, обвешанные автоматами, малыми саперными лопатками, поясными сумками и с вещмешками за спиной, они шагали рота за ротой, колоннами по четыре, мерно и неторопливо.

Где-то они будут через неделю?... За Мариамполем, у Шауляя или, может, под Сувалками?...

Андрею вспомнился родной гвардейский полк, в котором он провоевал около года и где знал чуть ли не всех офицеров, многих сержантов, солдат; вспомнились бойцы его, Андрея, взвода. Где они сейчас?...

«Теперь бы идти да идти... На Запад!.. А здесь?... Ищи да собирай окурки...»

Тоскливая грусть овладела Андреем. Последняя повозка полкового обоза скрылась за поворотом, и шоссе на время опустело, а Андрей в печальном оцепенении все лежал, опустив бинокль и устремив глаза вдаль...

Он очнулся, заслышав на поляне голоса Алехина и Таманцева, и оглянулся. Таманцев подходил к костру быстрой упругой походкой так легко и бодро, словно весь день отсыпался где-то неподалеку и, только что проснувшись, поспешал к ужину. Андрей подумал, что Таманцев сейчас или после ужина будет еще обязательно не менее получаса тренироваться в силовом задержании, в «качании маятника», в различных прыжках, финтах и перебежках, будет до третьего пота вырабатывать суплес¹⁷, и Андрей с особой силой ощутил свою неполноценность.

Надо было подняться и подойти. Высвобождая занемевшую руку, Андрей перевалился на бок и при этом невольно повел взглядом влево. По полю от леса к шоссе, шагах в двухстах от Андрея, шли двое. Андрей машинально поднес бинокль к глазам и замер от неожиданности, а в следующий миг отодвинулся за орешину: это были те самые офицеры, которых он видел час назад на хуторе у опушки леса. Причем – он заметил это сразу – вещмешка у них не было!

– Т-товарищ к-капитан, сюда! – оборотясь, взволнованно позвал Андрей. – Б-быстрее!

Алехин подошел и, взяв протянутый ему бинокль, стал за кустом возле Андрея; тотчас здесь же оказался Таманцев.

¹⁷ *Суплес* – гибкость тела. Вырабатывается специальными тренировочными упражнениями, способствующими увеличению подвижности позвоночника и эластичности межпозвоночных хрящевых дисков, всего суставно-связочного аппарата и мышечной системы.

Офицеры со сложенными плащ-палатками в руках шли по полю, о чем-то переговариваясь. Андрей торопливо рассказывал, как увидел их на хуторе, как залаяла собака и он был вынужден ретироваться. Трижды он упомянул о вещмешке.

– Кто же подходит к собаке с подветренной стороны?! Кулёма!.. – сплюнул Таманцев. – Выйдут к шоссе и будут голосовать за развитие автотранспорта, – предположил он, переступая между орешинами и осторожно отклоняя ветвь рукой.

В это мгновение шедший справа коренастый капитан обернул свое круглое лицо в сторону деревни, и Алехин в бинокль, а Таманцев своими дальноточными глазами смогли его разглядеть.

– Я его, кажется, видел в Лиде, – проговорил Алехин неуверенно.

– Век бы их не видеть! – с чувством сказал Таманцев. – Я жрать хочу, понимаете, жрать! А теперь придется их устанавливать!

Он был прав. Алехин молча смотрел в бинокль. Офицеры находились уже метрах в пятидесяти от шоссе.

– Чего думать-то?! – раздувая ноздри, нетерпеливо и с недовольством воскликнул Таманцев. – Надо ехать за ними!

Выйдя к шоссе, офицеры перепрыгнули кювет и стали на ближней к разведчикам обочине, судя по всему намереваясь остановить попутную машину. Наблюдая за ними в бинокль, Алехин еще несколько секунд молчал.

– К машине! – наконец приказал он. – Едем.

Таманцев и Андрей бросились сквозь кустарник к полуторке. Хижняк, ничего не подозревая, с поварешкой в руке стоял у костра и мурлыкал что-то под нос.

– Готово, – не оборачиваясь, сообщил он.

– Моторы! – скомандовал Таманцев. – Выезжаем!

Откинув задний борт, он и Андрей поспешно вбрасывали вещи в кузов. Хижняк некоторое время смотрел не понимая, затем подбежал к машине, запустил мотор и, быстро вернувшись, в растерянности стал у костра. Таманцев, оттолкнув его, ухватил котел и решительным движением вылил всю жирную дымящуюся жидель на огонь.

– Бульон!

– К черту! – выругался Таманцев, заливая костер водой. – По местам!

Скользя меж кустами, он бросился к всполью, спустя полминуты выбежал и сообщил Андрею:

– Они сели на машину! ЗИС И 1-72-15...

Вслед за ним из орешника выскочил Алехин.

Таманцев и Андрей как по команде разом полезли в кузов.

– Останешься! – приказал Таманцеву капитан. – Осмотри дорожку следов: на пашне должны быть хорошие отпечатки... Связь в городе через коменданта...

Он впрыгнул в кабину, крикнув Хижняку:

– В Лиду!

16. Оперативные документы

Записка по ВЧ

«Срочно!

Егорову

Спецсообщение

Сегодня, 15.08.44 г., на рассвете оперативно-войсковой группой отдела контрразведки армии был скрытно окружен хутор Залески (18 км северо-западнее г. Лида) с целью изъятия подпольной радиостанции АК и ареста содержателей передатчика, Святковских Витольда и Янины, выявленных нами по связям с отрядом „Рагнера“.

При появлении наших офицеров (под предлогом покупки молока) Святковские вместе с третьим аковцем, Юзефом Новаком, состоящим якобы в одной с ними террористической, так называемой ликвидационной группе, заперлись в доме, уничтожая компрометирующие улики, а затем оказали ожесточенное сопротивление. В результате Святковская и Новак были убиты, а Святковский подорвал себя связкой противотанковых гранат.

В развалинах дома обнаружены: две сильно поврежденные и обгоревшие рации – аппарат английского производства типа АП-4, выпуск 1943 г., и коротковолновый приемник типа КС-1. В разбитом зеркале-тайнике найдены старые кодовые таблицы и два неначатых оперативных журнала для фиксации данных о связи (позывные, волны, слышимость) и количестве принятых и переданных корреспонденций.

Большую часть документов Святковским и Новаку удалось уничтожить. Собрать цельный пепел для восстановления текста не представилось возможным.

При раскопках у задней стены амбара обнаружен тайник, из которого нами изъяты: ящик с радиодетальями и запасными батареями для раций и три комплекта советского военного обмундирования, из них один – офицерского состава, с пятнами крови на груди и на правом плече.

По имеющимся у нас проверенным данным, 12 и 13 августа Святковские отсутствовали, и дом их пустовал. Не исключено пребывание Святковских 13 августа в час радиосеанса передатчика с позывными КАО в р-не Шиловичского леса, находящегося в зоне действий отряда „Рагнера“, всего в 30 км от их дома-хутора Залески.

Понтрягин»

Записка по ВЧ

«Понтрягину

Примите все меры, чтобы установить, где находились Святковские 13 и 7 августа с. г. во второй половине дня.

*Особый интерес для нас представляют сведения о радиошифре, которым они могли пользоваться, а также режим и любые подробности радиопередачи.
Егоров»*

17. В Лиду!

Когда Хижняк проулком выехал на шоссе, трехтонный ЗИС, на который сели двое офицеров, уже скрылся из виду.

Стрелка на спидометре полуторки дрожала между цифрами 40 и 50: скорость для бульжного покрытия немалая, но, как казалось теперь Андрею, все же недостаточная. Алехин откинулся в угол кабины и, обернув бинокль платком, прижал к глазам. У следующей вёски он смог хорошо рассмотреть ехавший далеко впереди ЗИС.

Это была потрепанная трехтонка со слабо различимым на заднем борту номером И 1-72-15. Кроме молодого офицера (круглолицый капитан сел в кабину) в кузове машины ехало человек семь гражданских, судя по одежде, крестьян, и двое солдат. Кусок заднего борта с левой стороны вверху был выломан. Приметная машина!

Вскоре у одной из деревень ЗИС остановился; было видно, как крестьяне снимали мешки с машины, а затем, сгрудясь у кабины, расплачивались с водителем. Хижняк, чтобы сохранить дистанцию, вынужден был притормозить, и сейчас же колонна «студебеккеров», с десяток автомашин, обогнала «газик» и поехала перед ним. Это разведчиков никак не устраивало: между полуторкой и ЗИСом с обломанным бортом должно было быть – для прикрытия – не более двух-трех машин.

– Обгоняй! – приказал Алехин.

Хижняк поочередно обогнал несколько грузовиков; перед «газиком» теперь катил кургузый «виллис». Хижняк сигналом трижды просил принять вправо, однако шофер «виллиса» продолжал ехать, как ехал. Обсаженная с обеих сторон деревьями дорога была довольно узка, что затрудняло обгон, а в данном положении делало его совсем невозможным. И все же, выбрав удобный момент, Хижняк в нарушение всех правил пошел на обгон с правой стороны и поравнялся с «виллисом»; какое-то мгновение машины неслись рядышком, бок о бок. Сидевший подле шофера усатый майор-танкист что-то негодуяще прокричал и погрозил Хижняку кулаком. Хижняк не обратил на это внимания, но «виллис» выскочил вперед, и шофер, очевидно по приказанию майора не уступая дороги, снова катил по самой середке. Сквозь заднее стекло кабины Андрей видел, как Хижняк, возбужденно размахивая рукой, говорил что-то Алехину. Как и большинство опытных шоферов, Хижняк не терпел быстрой езды, а тем более гонки по неровной дороге; обычно спокойный и несколько флегматичный, он в таких случаях, распалаясь, выходил из себя и ругался на чем свет стоит.

До Лиды оставалось четыре километра.

Впереди, на переезде, путеобходчица, приземистая женщина в выгоревшем ситцевом платке и старых сапогах, опускала полосатый шлагбаум.

«Виллис» рванулся и проскочил под перекладиной, которая все опускалась. Хижняк и Алехин закричали из кабины в один голос – женщина обернулась, у нее было красное, с очень светлыми бровями, сонное лицо. Алехин пулей вылетел из машины, вырвав у нее веревку, толкнул шлагбаум кверху, и под оглушающе-тревожный гудок паровоза полуторка, подпрыгнув на рельсах, перескочила полотно.

Далеко впереди завиднелись освещенные неярким вечерним солнцем окраины Лиды.

Хижняк быстро нагнал «виллис» и опять засигналил; маленькая кургузая машина, по-прежнему не торопясь, упрямо ехала по самой середке. Дорога стала пошире, и Хижняк, решившись, неожиданно резко прибавил скорость и по самой обочине, чуть не слетев в кювет, впритирку обошел «виллис».

Теперь ему ничто не мешало, и он гнал всю. Перед полуторкой мчались грузовые машины, впереди них время от времени был виден ЗИС И 1-72-15; в кузове на скамье у самой кабины в профиль к разведчикам сидел молодой светловолосый офицер.

На контрольно-проверочном пункте при въезде в город по обе стороны шлагбаума скопилось десятка три машин. Девушки-регулирующие проверяли у водителей проездные документы и пропускали машины поочередно с той и другой стороны. Полуприцеп остановилась, между ней и ЗИСом с обломанным бортом было шесть грузовиков. Хижняк сразу вылез и пошел вокруг полуприцепа, осматривая и обстукивая баллоны ногой; Алехин, соскочив на обочину, разглядывал, что делается впереди.

Из подъехавшего «виллиса» с грозным видом вылез усатый майор; он был еще молод, лет двадцати шести.

Похлопывая себя прутком по голенищу хромового сапога, он властно и нетерпеливо крикнул Хижняку:

– Сержант, ко мне!..

Хижняк вопросительно посмотрел на Алехина.

– Садись за руль, – приказал Алехин, и Хижняк, пригнув голову, втиснулся в кабину.

– Капитан, идите сюда! – весь красный от бешенства, вскричал майор.

Алехин подошел и отдал честь.

– Да как вы смеете... – задыхаясь, проговорил майор, – обгонять легковую машину... старшего по званию!..

Алехин молча достал и показал ему свое служебное удостоверение, вернее, обложку с вытисненной надписью: «Контрразведка Смерш».

– Но я же не знал... – произнес майор растерянно. – Поверьте, товарищ капитан, не знал...

– А вам и нечего знать, – вполголоса заметил Алехин. – Есть правила движения, обязательные для всех, и надо их соблюдать...

Козырнув, он пошел вперед и догнал полуприцеп – машины медленно одна за другой подвигались к шлагбауму.

– Уйдут... т-товарищ капитан! – не выдержал Андрей.

– Не подымайся в кузове, – велел ему Алехин и быстро направился к дощатой будке КПП; он понимал, что, пока проверят шесть передних грузовиков, ЗИС будет далеко.

Андрей видел, как Алехин зашел в открытую дверь. Спустя какие-то секунды у водителя ЗИСа, за которым они следили, проверили документы, и машина тронулась от шлагбаума.

– Выворачивай влево! – приказал Андрей Хижняку. – Живо!

Хижняк выехал влево и умудрился рывком проскочить к шлагбауму, но уже двинулась встречная машина, и он вынужден был затормозить, успев, однако, в последнее мгновение вывернуть вправо так, что полуприцеп стала наискось, загородив дорогу. Сержант-регулирующая с загорелым, ставшим от злости некрасивым лицом, размахивая флажком, бросилась к полуприцепу.

– Куда?! Куда прешься?! – охриплым голосом кричала она.

И спереди и сзади яростно сигналили; слышались бранные выкрики возмущенных шоферов. Хижняк, приоткрыв дверцу, ступил ногой на подножку и, не снимая руки с крестовины руля, высунулся из кабины, осматриваясь. В эту критическую минуту появился Таманцев – он только что подъехал на попутной машине. Ни о чем не спрашивая, он обежал полуприцеп и рванулся к встречной машине.

– Назад!.. Назад осаживай! – сделав свирепое лицо, зычным голосом заорал он на водителя и нагло представился: – Военный автоинспектор!.. Ты что делаешь?! Назад осаживай!..

Рябой старшина, водитель встречного ЗИСа, несколько оторопев от такого натиска, начал было оправдываться, но Таманцев, распахнув дверцу кабины, решительно отодвинул его и, сам вскочив за руль, проворно откатил машину назад и вправо, к самому кювету.

Меж тем регулировщица, став перед полуторкой, ругала Хижняка, несомненного виновника затора, к тому же не желавшего осаживать назад, за обочину, на арестную площадку, как она требовала.

– Не шуми! У меня нет заднего ходу! Понимаешь, нету! – умоляющим басом клялся Хижняк, грязной тряпкой утирая пот с лица. – Ну не ори! Сейчас разъедемся... И зачем вас на войну берут?! Тьфу, дьявол! – в сердцах сплюнул он.

Из дощатой будки к шлагбауму уже спешили Алехин и массивная, злая начальница КПП.

– Пропусти их! – дожевывая на ходу, закричала она регулировщице.

... Домчать до поворота и, почти не сбрасывая скорости, развернуться вправо, куда скрылся ЗИС, было для Хижняка делом одной минуты, но впереди... впереди не было видно ни одной машины...

– Прямо! – приказал Алехин.

Полуторка пронеслась по улице несколько кварталов, и вот на одном из перекрестков, на параллельной улочке, промелькнул ЗИС с военными в кузове. Хижняк тормознул так, что Андрея и Таманцева с силой прижало к переднему борту, и тотчас стал разворачиваться назад, но Таманцев, перегнувшись в кабину, закричал:

– Это не та машина!

Полуторка остановилась; Алехин вылез на подножку, росинки пота блестели у него на лбу.

– Р-развернемся влево, – посоветовал Андрей нерешительно, – п-проскочим назад, мимо базара и к с-станции.

– Наши армейские сапоги, – сказал Алехину Таманцев, – сорок первый и сорок второй размеры, массового пошива, широкой колодки... Ношенные, с выраженными индивидуальными признаками... С теми отпечатками, что у родника, разумеется, ничего схожего... Но установить их все равно придется, – имея в виду офицеров, заметил он. – С нас потребуют!.. Что же касается машины, полагаю, что ЗИС с фронтového продсклада. Знаете, возле станции огороженные штабеля?

– И мне так думается, «зисок» с продсклада, – не совсем уверенно вступился Хижняк.

– Что же ты раньше молчал?

– Ручаться не могу. И вам ведь люди нужны, а не машина, – сказал Хижняк понимающе. – А они, может, сойдут, и тогда...

– Разворачивайся! На склад!

18. На фронтовом продскладе

Как только машина подъехала к территории склада, Таманцев на ходу перевалился через борт и, пока Алехин, выйдя из машины, объяснялся у въезда с часовым, прошмыгнул в ворота.

На большой ровной площадке под брезентами, штабелями ящиков, бочек и мешков были сложены различные продукты. Все вокруг находилось в движении: шофера и кладовщики, этот беспокойный полустроевой люд, более чем кто-либо исполненный сознания своей значительности и необходимости на войне, получатели из частей и солдаты в перепачканных мукой гимнастерках, что таскали ящики и мешки на весы, грузили в автомашины. В правом углу, у изгороди из колючей проволоки, с враждебной настроенностью уставилось стволом в небо зенитное орудие.

Возле штабеля мешков с мукой, у вереницы машин, ожидавших очереди на погрузку, Алехин разыскал начальника склада, пожилого майора, толстого, с большим выступающим животом, однако на редкость подвижного и энергичного. Узнав, что Алехин из контрразведки, он, оставив дела, провел его в просторную землянку, где помещался штаб склада, попросил двух сержантов-писарей выйти и только тогда, усевшись сам и усадив Алехина, спросил, что его интересует.

– ЗИС И 1-72-15 ваша машина?

– И 1-72-15?... Моя. А что случилось?

– Пока ничего, – успокоил Алехин. – Она только что вернулась со стороны Алитуса – очевидно, из Мариамполя или же Каунаса. У нее еще сзади выломан кусок борта.

– В Мариамполь машина ходила. Какая – точно не скажу. И насчет борта не знаю: транспортом ведает мой заместитель... Сейчас выясним, – пообещал майор и поднялся.

– А шофера вы знаете?

– И 1-72-15?... Борискин... Откровенно говоря, знаю его мало. Он у нас недавно, месяца два... Но плохого ничего сказать не могу. Шофер как шофер.

– Мне бы хотелось побеседовать с ним. И посмотреть книгу учета личного состава. Только чтобы без шума, – попросил Алехин.

– Понятно.

Выйдя из землянки, майор что-то сказал одному из писарей, затем вернулся и, по армейскому обыкновению спросив Алехина, не хочет ли он поесть, молча принялся рыться в стареньком канцелярском шкафу. Он, как видно, был нелюбопытен, лишних вопросов не задавал; во всех его действиях чувствовалась спокойная деловитость, и Алехин не мог это не оценить.

В дверь постучали.

– Войдите!

– Товарищ майор, ефрейтор Борискин по вашему приказанию прибыл...

Алехин увидел перед собой невысокого худого блондина с темными хитроватыми глазами на бледном немывтом лице. На Борискине были грязные, промасленные шаровары и гимнастерка с солдатскими погонами, а на ногах старые, с порыжевшими голяшками хромовые сапоги. Он быстро перевел взгляд с майора на незнакомого капитана и, по-видимому не ожидая для себя ничего хорошего, сразу насторожился.

– Садись, – предложил майор.

– Ничего... постоим. – Борискин снова быстро посмотрел на Алехина.

– Ты когда борт обломал?

– Это прошлой ночью на разгрузке. Я не виноват! «Студер» задним ходом разворачивался и врезал. А я тут ни при чем. Я докладывал помпотеху...

– Ладно. Проверю... Вот капитан хочет с тобой побеседовать. – Майор кивнул в сторону Алехина.

– Это насчет чего? – прищурился Борискин.

– Узнаешь, – сказал майор и, склонившись к уху Алехина, шепотом спросил: – Мне уйти?

– Почему? Оставайтесь... Садитесь, ефрейтор, – предложил Алехин, и Борискин уселся на табурете шагах в трех от стола.

Алехин как можно непринужденнее задал ему несколько общих вопросов: откуда родом, кого из родственников имеет, с какого времени в армии, доволен ли службой в части, много ли приходится ездить, куда и с каким грузом.

Борискин отвечал не спеша и довольно лаконично, с какой-то настороженностью обдумывая каждое слово и избегая при этом смотреть Алехину в глаза.

– Сегодня куда-нибудь ездили?

– Ездил... В Мариамполь. Мешки возил... Вот маршрутный лист. – Борискин с готовностью достал из кармана гимнастерки сложенный вчетверо помятый листок бумаги и, развернув, положил на стол перед Алехиным.

– А кто еще сегодня ехал на вашей машине?

– Как кто? Никто.

– Может, подвозили кого-нибудь?

– Нет! У нас это не положено. Продуктовая машина! Порожнем разве когда офицера подвезешь, и то своего, из начальства. А гражданских ни-ни!.. Насчет этого бдительность...

Он говорил так убедительно, что можно было ему поверить. Можно, если бы Алехин своими глазами не видел, как Борискин вез на машине людей и получал деньги с крестьян.

Майор между тем отыскал в шкафу большую тетрадь в картонной обложке, став спиной к Борискину, разложил ее на столе, полистал и прочел что-то такое, отчего в лице его выразилось удивление. Сделав какую-то пометку, он пододвинул тетрадь Алехину; капитан уже догадался, что это форма четыре – книга учета личного состава.

Продолжая разговаривать с Борискиным, Алехин прочел: «... Водитель... ефрейтор... Борискин Сергей Александрович, 1912 г. р., б/п... образование 4 класса, в плену и под оккупацией не был... В 1936 году судим по ст. 162-й¹⁸ п. „д“ на 5 лет... Награды: медали „За боевые заслуги“ и „За оборону Москвы“.

Отметку о судимости майор отчеркнул сбоку карандашом. Когда Алехин, просмотрев запись о Борискине, глянул на майора, тот, колыхнув грузный живот, понимающе вздохнул.

– Значит, сегодня вы никого не подвозили? – продолжал Алехин.

– Нет!

– Никого за всю дорогу?... Припомните получше.

– Чего тут припоминать-то, – обидчиво сказал Борискин. – Один ехал – зачем мне врать? Чего от него хотят, он не мог понять, предположил же поначалу совсем иное.

Уже несколько лет он был в основном чист на руку, но сегодня на рассвете перед поездкой в Мариамполь, как на грех, не удержался и, когда кладовщик отвернулся, сунул в кузов под мешкотару коробку с американским пиленым сахаром. Сделал он это не оттого, что его тянуло украсть или выпить (страдавая желудком, он пил редко и мало), а просто потому, что кладовщик этот, с шоферами и солдатами беспричинно грубый, перед начальством лисил, имел славу бабьего угодника, частенько выпивал и ходил в офицерском обмундировании – словом, преуспевал. Сахара же у него было несколько вагонов, и, по понятиям Борискина, он не мог не воровать.

И вот стоило после стольких лет праведной жизни украсть, как его попутали! – так он решил, когда вызвали к начальнику склада; он был уверен, что Алехин из военной прокуратуры. Попался! И как же это могло получиться?... Видеть его никто не видел, в этом он не сомневался, сахар же был продан барыгам в Мариамполе, а оставшиеся граммов двести, завер-

¹⁸ Статья 162 УК РСФСР того времени предусматривала уголовную ответственность за хищение имущества.

нутые в тряпочку, спокойно лежали в кабине под сиденьем. И неужто дознались, он и придумать не мог, как не мог понять, какое отношение к краже сахара имеют вопросы этого капитана; Алехин казался ему прожженным хитрецом: „Издалека подъезжает!“

Подвозить же по пути пассажиров запрещалось, а калымить тем более – по головке за это не гладили, – и Борискин все отрицал, сразу решив, что признаваться не следует. И, начав врать, он врал все дальше. А вежливость Алехина, та самая вежливость, которой Борискину в жизни перепали жалкие крохи, еще более настораживала его.

Алехин же старался уяснить себе, почему Борискин лжет – с какой целью? Он с самого начала полагал, что неизвестные офицеры были случайными пассажирами машины И 1-72-15, и Борискин интересовал Алехина только как источник получения хоть каких-либо сведений об этих офицерах для их дальнейшего розыска.

Алехин еще минут десять бился с Борискиным, а тот упрямо врал, пока не начал смекать, что дело тут не в сахаре, а в чем-то другом, а поскольку он себя больше ни в чем существенном виновным не чувствовал, он помалу успокоился и стал несколько откровеннее. Однако сознаться во лжи было не так-то легко.

– Послушайте, Борискин. – Алехин поднялся и, улыбаясь, подошел к шоферу. – Вот вы утверждаете, что сегодня никого не подвозили. Так ведь?... – весело спросил он, наблюдая за выражением лица Борискина. – Так!.. Однако не более как полчаса назад здесь, в городе, с вашей машины сошли двое офицеров...

Борискин посмотрел на Алехина, словно припоминая, озабоченно сдвинул брови и закурил губу, затем уставился глазами в землю и, почесывая затылок и стараясь скрыть некоторую растерянность, проговорил:

– Обождите, обождите... Ах да! – вдруг радостно воскликнул он, поднимаясь, и облегченно заулыбался. – Точно! Совсем забыл!.. По дороге попросились двое, и я их подвез. И чего тут плохого? Что ж им, пешедрала топать?

– Пешедралом скучновато, – согласился Алехин, угощая папиросой повеселевшего Борискина и закуривая сам. – Хорошие знакомые?

– Не, я их не знаю!.. Гад буду, товарищ капитан, – приложив руку к груди и глядя Алехину в глаза, поклялся Борискин. – Попросились, я и взял. Пожалел!..

– Кто они и откуда, не говорили?

– Нет. Да я и не спрашивал: мне это ни к чему. Ссадил их возле комендатуры – вы же видели... Один капитан, в годах уже, лысый. Обходительный такой, газеты мне еще на курево дал. – Борискин зашарил руками по карманам и, усмехаясь, поинтересовался: – Они небось натворили чего?... А другой молоденький, лейтенант; у него еще слева фикса, ну, зуб золотой... Через эту жалость одни неприятности... Знал бы такое дело...

19. Вечером и ночью в городе

Пока Алехин беседовал в землянке с Борискиным, Таманцев умудрился проникнуть в автопарк, где стоял ЗИС с выломанным бортом, и буквально на глазах у часового обшарил кабину и кузов машины, не забыв заглянуть под сиденье и в ящик для инструментов. На самом дне, под промасленной ветошью, он нашел сахар, завернутый в тряпочку, подумал, что он, наверно, ворованный, но ничего представляющего интерес для дела обнаружить не смог.

Кусок газеты, что дали Борискину на „курево“, оказался обрывком сегодняшнего номера лидской газеты „Уперад“.

Очевидно, неизвестные, замеченные Блиновым, утром выехали из Лиды; вечером же они вернулись в город и сошли у комендатуры. Оставалось установить их среди офицеров, посетивших комендатуру после девятнадцати часов, а также проживающих по соседству, – дело представлялось вроде бы ясным и простым.

Комендант города, худой, с ввалившимися щеками, мрачного вида майор, знал Алехина еще с сорок первого года, по боям под Москвой, и был рад оказать содействие. Он принес регистрационные книги, и Алехин выписал четырех офицеров из числа тех, кто проживал поблизости или побывал в комендатуре за последние полтора часа и по установочным данным имел некоторое сходство с бритым капитаном и его товарищем. Таманцева Алехин сразу же послал на станцию.

Вызванные по распоряжению коменданта с квартир офицеры (трое, одного не нашли) были незаметно показаны Алехину и Андрею: интересующих разведчиков людей среди них, увы, не оказалось...

А всего в городе, по данным комендатуры, размещалось на частных квартирах свыше пятисот офицеров из разных частей и до двухсот командированных.

– Вот смотрите. – Майор, достав из сейфа, разложил на столе план Лиды с обозначением частей и соединений, дислоцированных в районе города. – Сложность в том, что окраины города закреплены за частями. Это их районы расквартирования... В Северном городке и в Южном, – он показал пальцем на карте, – свои комендатуры. А мы осуществляем только общий надзор. Учеты у них аховые, и проверить по-настоящему – дьявольски трудно!

Алехин поднялся: на улице стемнело, надо было спешить, в комендатуре же делать больше было нечего.

– Я ночью здесь, – сказал, прощаясь, майор. – Если понадобится, беспокойте.

* * *

– Они где-то тут, в городе, – заметил Алехин, когда он и Андрей вышли на улицу.

– А может, шофер врет? Может, он ссадил их у станции, они уехали, а мы будем искать понапрасну?

– Не думаю. Они просили остановить возле комендатуры, а заходили они туда или нет, он не видел и не говорил. Будем искать в городе.

Алехин разбил город на участки: себе он взял станцию, прилегающий район и выезд по Варшавской в сторону Гродно; Таманцеву поручил юго-восточную часть города и выезд на Молодечно; Андрею – контрольно-проверочный пункт при выезде из Лиды в Вильно и соседние улицы.

... После десяти улицы обезлюдели: наступил комендантский час. Но Андрей все ходил и ходил, присматриваясь в темноте к редким прохожим – в большинстве своем военным, – настороженно следил за одиночными машинами, что останавливались у контрольного пункта.

... На станции – в помещениях, на перроне, во всех закоулках – Алехин оглядел и знал уже каждого. В бараке для военнослужащих и в агитпункте спали вповалку на полу, на скамьях и на столах, изнемогая от жаркой духоты и храпя. Новые пассажиры после полуночи не появлялись.

Дежурные по контрольному пункту в час ночи ушли, и очень редкие машины проезжали под задеранным к небу шлагбаумом не останавливаясь. Прилегающие к станции улицы, казалось, вымерли: ближайший пассажирский поезд, как сказали Алехину в комендатуре, должен был пройти только утром.

... В третьем часу, еле двигая ногами от усталости, Андрей добрал до квартиры, где остановился Хижняк с машиной, сняв ремень и сапоги, свалился на широченную деревянную кровать и, едва коснувшись щекой подушки, уже спал мертвым сном. Он не слышал, как Таманцев, вернувшись злой и голодный, искал в темноте что поесть, ругался вполголоса и ворчал, пока не улегся.

20. Оперативные документы

Записка по ВЧ

„Срочно!

Начальнику Главного управления контрразведки

Смерш

В дополнение к №... и... от... и... августа 1944 г.

Розыск передатчика с позывными КАО осложнен отсутствием текстов радиоперехватов от 7 и 13 августа с. г., сообщенных нами незамедлительно в ГУКР Смерш для параллельной дешифровки.

Учитывая отсутствие квалифицированных криптографов в Управлении контрразведки фронта, прошу Вашего распоряжения о внеочередной дешифровке обоих перехватов.

Пользуясь случаем, считаю своим долгом еще раз обратить Ваше внимание на выраженный некомплект оперативного состава в розыском отделе и в отделении дешифровки Управления.

За 7 недель наступления из 48 розыскников (при штате 56) выбыло 23, причем в числе оставшихся 9 человек – стажеры, не имеющие достаточного опыта розыскной работы.

В отделении дешифровки из 5 положенных по штату криптографов после прямого попадания бомбы при передислокации в р-не Яшун осталось всего лишь двое молодых офицеров, неспособных к оперативной дешифровке шифрсистем высокой надежности.

Егоров“

Записка по ВЧ

„Егорову

На №... от 15.08.44 г.

Ликвидировать некомплект оперативного состава в розыском отделе и отделении дешифровки Управления контрразведки фронта в ближайшее время не представляется возможным.

Мною дано распоряжение о внеочередной расшифровке перехватов от 7 и 13 августа с. г.

Колыбанов“

Шифротелеграмма

„Срочно!

Егорову

На №... от 13.08.44 г.

Сообщаю, что сегодня, 15 августа, в тылах армии, юго-восточнее Солтанишки, была обнаружена и после перестрелки ликвидирована

остаточная группа немцев в количестве 39 человек, из них 17 было убито, 4 удалось скрыться, остальные, частично раненные, взяты в плен.

Как установлено при допросах, в составе группы более месяца продвигались к линии фронта из района Могилева военнослужащие штаба 4-й немецкой армии, 12-й и 337-й пехотных дивизий и 76-й штурмовой. Медленность передвижения объясняется как крайней осторожностью, так и наличием в группе 8 тяжелораненых, в том числе командира 76-й штурмовой дивизии генерал-майора Людвиг Хорта и старшего офицера штаба 4-й армии подполковника Ганса Кефера, которых якобы несли на самодельных носилках около 600 км.

Ликвидированная группа имела 2 станковых пулемета МГ-34, 27 автоматов, гранаты и армейский коротковолновый передатчик образца 1942 г. фирмы „Телефункен“. Как выяснилось при допросах, 13 августа, во второй половине дня, после выбора поляны, подходящей для посадочной полосы, радист группы выходил в эфир якобы с просьбой о немедленной присылке самолета за умирающим от гангрены генералом Хортом и еще двумя ранеными.

Согласно показаниям пленных Отто Гайна и Эриха Штоббе, которые во время сеанса находились в сторожевом охранении неподалеку от передатчика, место выхода радиции в эфир определяется как северо-западная окраина Шиловичского леса. В связи с гибелью во время перестрелки подполковника Кефера, фельдфебеля Химмеля и двух офицеров, принимавших непосредственное участие в радиопередаче, установить ее подробности, в частности позывные, рабочую волну и т. п., не представляется возможным.

Показания Гайна и Штоббе не вызывают сомнений в достоверности. Полагаю целесообразным доставку обоих в р-н Шиловичского леса для установления места выхода радиции в эфир.

Быстров“

Шифротелеграмма

„Срочно!

Быстрову

На №... от 15.08.44 г.

Допросом военнопленных остаточной группы установите, выходила ли радиция группы в эфир до 13 августа. Если выходила, то где, когда и при каких обстоятельствах. Особый интерес для нас представляют любые сведения о шифре или коде и о режиме радиопередачи.

Также выясните, занималась ли группа во время своего передвижения сбором разведывательных данных, велось ли ими наблюдение за железными и шоссейными дорогами.

Военнопленных Гайна и Штоббе незамедлительно этапируйте в Лиду, отдел контрразведки авиакорпуса, для проведения следственного эксперимента с целью установления точного места выхода радиции в эфир и воспроизведения обстановки и обстоятельств передачи.

Егоров“

21. Капитан Алехин

Тринадцать лет назад, еще до того, как он начал специализироваться по зерновым культурам, его курсовая об огурцах была напечатана в сборнике лучших студенческих работ. Тринадцать лет назад он превосходно знал (да и по сей день вроде не забыл) признаки и характеристики всех сортов, но определить найденные Таманцевым на месте выхода рации в эфир так и не смог.

Рано утром он заехал на базар, где ведрами, мешками и на вес продавалось немало огурцов; все они без исключения были одного, хорошо известного ему сортотипа – „должик“ („Западно-русская подгруппа... Зеленец удлинненно-эллипсоидальный с сильным сбегом к основанию, с суженной и заостренной вершиной... крупнобугорчатый, черношипный... трехгранный в поперечном разрезе... Длина зеленца 10–14 см, диаметр 4–5 см, вес 100–150 г... Окраска плода зеленая с крупными продолговатыми ситцевыми пятнами и светлыми полосками...“).

Огурцы, найденные на поляне, отличались от „должика“ и формой, в частности закругленностью граней, и окраской, и толщиной зеленца.

В городской милиции Алехину порекомендовали известного здесь овощевода, местного старожила, в давнем прошлом – поручика русской армии, некоего Шорохова Ивана Семеновича.

Минут через пять, оставив машину за углом, Алехин подходил к его домику.

Шорохова можно было найти на этой улице и без точного адреса. Его участок выделялся среди других палисадов отменно ухоженными грядками и обилием плодовых деревьев. Сам хозяин – Алехин увидел его издали, – маленький щуплый старичок с седым прозрачным пушком вокруг макушки, строгал рейку на верстаке под навесом.

– Иван Семенович?

– Иван Семенович! – весело подтвердил старикан.

– Мне рекомендовали вас как главного специалиста, – улыбнулся Алехин. – Хочу посоветоваться насчет огурцов.

– Для закуски? – пошутил старик.

– Не без этого. – Алехин выложил на верстак пять огурцов, в том числе два с обкусанными кончиками. – Что можно о них сказать?

Старик живо разобрал огурцы на две кучки.

– „Должик“, „траку“, „должик“, „должик“, „траку“...

– Местные сорта?

– „Должик“ – местный, а „траку“ – Прибалтика, за Вильно... Тракайский уезд... Здесь его не выращивают.

– Это точно?

– Так точно. С ручательством.

– Вы их определяете по форме и окраске зеленца... по сбегу к плодоножке?

– Да. Вы что – овощник? – оживился старик.

– Любитель, – улыбнулся Алехин и указал на огурцы: – Как вы думаете, когда они сорваны?

– „Должик“ – свежие, вчера, а может, и сегодня. На базаре купили?... А „траку“... – Он разглядывал огурцы с обкусанными концами. – Все зависит от условий хранения... Трое суток как минимум, если не четверо. А зачем вам это?

– Спасибо, Иван Семенович. – Алехин собрал огурцы и отшутился: – На закуску пустим „должик“...

* * *

В залитом утренним радужным светом кабинете начальника городского отдела госбезопасности кроме самого майора находился еще смуглый длинноволосый лейтенант.

– Ты интересовался Павловскими, – сказал майор, беря в руки маленькую просаленную бумажку, и протянул ее Алехину. – Эту записку, запеченную в пирог, пытались передать в камеру старику.

– Кто?

– Его сестра... Вот перевод.

Алехин взял бумажку, затем листок с русским текстом и прочел:

„Юзеф!

Да поможет тебе Бог.

Вчера вернулась Юлия. Девочка здорова.

Молимся за тебя.

Твоя сестра Зофия“

– Кто это – Юлия? – поинтересовался Алехин.

– Пока не знаем... Займись и доложи, – приказал майор лейтенанту. – Давай.

Лейтенант взял обе бумажки и положил в свою папку.

– Слушай, если ехать из Шиловичей на Каменку, первый хутор слева, у леса, – кто там живет? – спросил майора Алехин.

– Из Шиловичей на Каменку... первый хутор слева... – припоминая, повторил майор и сказал уже подошедшему к двери лейтенанту: – Мы были у него. Помнишь, он нас самогоном угощал?

– Окулич, – назвал лейтенант, оборачиваясь, и осведомился у Алехина: – Зачем он вам?

– Он был связан с партизанами, – вспомнил майор, раскрывая папку с бумагами, и приказал: – Что мы о нем знаем – поделись с капитаном...

22. Подполковник Поляков

В районах Лиды и Гродно у него работали три розыскные группы, имелись и небольшие, но весьма ответственные дела, которые не хотелось кому-либо перепоручать.

Но самым важным в этой поездке было посещение двух точек по радиоигре¹⁹; на одной из них, под Лидой, сегодня ночью предстояла приемка груза и немецкого агента.

Начинал эту игру почти год назад сам Поляков, и велась она – по характеру дезинформации – весьма дерзко, и в этой дерзости заключалась ее неизмеримая ценность и одновременно опасность провала. Риск возрастал с каждой неделей, с каждой переданной радиограммой, все это не могло продолжаться бесконечно, и подполковник решил присутствовать сегодня ночью, считал себя обязанным не только потому, что хотел первым беседовать с приземлившимся агентом, но и оттого, что сегодня вместо контейнеров и человека на костры вполне могли сбросить и десяток осколочных бомб – такое тоже случалось.

Для Полякова, в свое время за каких-то два часа в осеннем лесочке под Вязьмой склонившего к сотрудничеству только что пойманных радиста и старшего группы, на свою ответственность тут же доверившего им первый выход в эфир, сочинявшего для них легенду и составлявшего все до единого „донесения“, эта игра была родным детищем в полном смысле слова, и размышлял о ней в это утро он более всего.

Выехав перед рассветом, он за три часа дороги из Управления ни разу не вспомнил о рации с позывными КАО. Он переключился и подумал о ней, лишь когда, не доезжая Каменки, шофер притормозил и он увидел стоявший впереди на обочине „студебеккер“ и около него двух военнопленных, автоматчиков охраны и трех офицеров. Он знал только одного из них – хромого после ранения, большеголового капитана, переводчика отдела контрразведки армии. Взяв объемистый авиационный планшет, Поляков выскочил из машины.

Хотя он склонялся к мысли, что разыскиваемые группой Алехина – агенты-парашютисты, не следовало пренебрегать и остальными версиями.

Алехин физически был не в состоянии все охватить, хотелось чем возможно ему помочь. И вчера вечером, когда пришло сообщение о ликвидации остаточной группы противника, Поляков сразу прикинул, что сумеет по дороге выкроить полтора-два часа, тем более что в его напряженном, преимущественно кабинетном образе жизни проведение следственного эксперимента – установление точного места выхода немецкой рации в эфир и поиски там вещественных доказательств – было, можно сказать, отдыхом, прогулкой на свежем воздухе.

Разведенные порознь военнопленные: долговязый Штоббе, заискивающе-услужливый штабной фельдфебель, и плотный приземистый Гайн, молчаливый, сумрачный повар, солдат, указали одну и ту же поляну на краю леса.

Офицерам и автоматчикам из роты охраны Поляков приказал тщательно осмотреть окрестность, а сам с немцами и капитаном-переводчиком занялся непосредственно участком, где, по словам Гайна и Штоббе, располагалось ядро группы.

– Die Bahre mit dem General war hier... – указывая рукой, сказал длинный худой немец. – Die Funkstelle befand sich in diesem Gebüsch... Und ich war in der Sicherung da drüben...

– Он говорит, что носилки с генералом стояли здесь, – перевел капитан, – рация располагалась в этих кустах, а сам он находился в охране вон там...

– Я понял... Рация располагалась здесь... – заметил Поляков, шаря глазами по траве. – Спросите их, как раскидывали антенну.

– Wie wurde die Antenne angespannt?... – спросил переводчик. – Haben Sie es gesehen?²⁰

¹⁹ Радиоигра – использование захваченной рации и радиста для дезинформации противника.

²⁰ Как раскидывали антенну?... Вы видели это? (Нем.)

Невысокий плотный отрицательно качнул головой.

– Nicht!²¹ – поспешно сказал длинный, вытягивая руки по швам.

Тощий, с ввалившимися глазами и щеками, в грязном, заштопанном во многих местах обмундировании и разбитых ботинках без шнурков, он выглядел довольно жалко. Он шел рядом с Поляковым, старательно осматривая траву, и вдруг с радостным криком бросился под куст и поднял немецкую батарейку. Подскочил к Полякову и, щелкнув металлическими оковками каблуков, протянул ему батарейку и заискивающе сказал:

– Ich bin Mechaniker, ich habe in einem Werk gearbeitet²².

– Питание для рации, – рассматривая батарейку в руке Полякова, заметил капитан. – Значит, они не врут.

– Врать им теперь ни к чему... – заглядывая под куст, сказал Поляков и поднял отрезок проволоки с маленькой вилкой. – Это тоже от рации.

– Funk, Funk!.. – радостно подтвердил длинный. – Herr Oberst, ich bitte zu berücksichtigen, dass ich Mechaniker, Arbeiter bin... Ich habe drei Kinder und muss unbedingt zurück!²³

Приземистый немец смотрел на него исподлобья с презрительной враждебностью.

– Аромат-то какой, – вдыхая воздух, заметил Поляков, – божественный!.. Чего он хочет?

...

– Боится, что его расстреляют. Просит учесть, что он механик, словом, рабочий...

– Это я понял... – оглядывая поляну, в раздумье сказал Поляков. – Рацию разворачивали здесь, но нам от этого не легче... Чтобы исключить или, наоборот, принять эту версию, нужна дешифровка перехвата... На месте задержания шифровальный блокнот не обнаружен. Здесь-то он несомненно был. Попробуйте отыскать...

– Но... где?

– Возможно, блокнот брошен или утерян по дороге... Вам всем... вместе с ними, – Поляков взглядом указал в сторону немцев, – придется проделать их путь... Все сорок километров двигайтесь цепью... Как с ногой, выдержите?

– Да. – Капитан покраснел.

– Обнюхайте каждую травинку. Особое внимание к местам, где они устраивали привалы.

– А если шифр уничтожен, сожжен?

– Не думаю. Штабные документы целы. Постарайтесь отыскать!

²¹ Никак нет! (Нем.)

²² Я механик, я работал на заводе. (Нем.)

²³ Радио, радио!.. Господин полковник, прошу учесть, что я механик, рабочий человек... У меня трое детей, и я должен непременно вернуться! (Нем.)

23. Поиски утром в городе

Рано утром, когда, позавтракав, они вышли на улицу, Таманцева прорвало. Он перебил вдруг Алехина и, раздувая ноздри, возбужденно сказал:

– Что вы все твердите: „должны“, „обязаны“? Нужен текст дешифровки. А без текста можно торкаться до второго пришествия, как слепые щенята!

– Текст будет, – пообещал капитан.

– Когда?! – распаляясь, воскликнул Таманцев. – Москва десятыи сутки не может размотать перехват, а мы – отдувайся!

– Девятыи, – поправил Алехин. – Ты что, не с той ноги встал?

– Я – с той! – разозлился Таманцев. – Вы меня дурачком не делайте! Мы уродуемся как бобики! Москве не укажешь, а с нас с живых не слезут!..

– Короче! Что ты предлагаешь?

– От текста надо танцевать, от текста! Вы боитесь потребовать расшифровку с Управления, а они дрейфят перед Москвой. Цирлих-манирлих! Я так не могу и не желаю!.. У Москвы одних только фронтов – двенадцать, да разве они о нас вспомнят?! Их за глотку надо брать, за глотку! Давайте я сам позвоню – хоть генералу, хоть в Москву, хоть куда... Плевал я на субординацию! Мы не в бирюльки играем и не на белок охотимся! Это дело государственной важности! И у нас железная позиция! Давайте я позвоню! Да я им так мозги раскручу, что не соберут!

– Всё?

– Нет, не всё!

– Андрея бы постыдился.

– А я не ему, а вам это говорю!

– Принял к сведению, – невозмутимо сказал Алехин.

В ярости сплюнув, Таманцев взялся рукой за край борта и прыгнул в полуторку.

Потом, нахохлясь, он трясся в кузове возле Андрея, оскорбленный и обиженный. Когда машина остановилась, чтобы его высадить, Алехин, ступив на подножку, сказал:

– В двенадцать часов подполковник должен быть в отделе контрразведки авиакорпуса. Можешь все ему высказать.

Таманцев молча соскочил и, не оглядываясь, пошел по улице. Андрей с капитаном поехали дальше.

Утро оказалось столь же бесплодным, как и вечер.

Андрею достался центр города и базар. Он ходил по улицам, время от времени толкался по базару, присматривался ко всем военным, а заодно и к гражданским, – ни одного похожего лица.

На базаре среди покупателей, точнее, покупательниц, попадались и военные, но более всего там было крестьян.

В порыжелых домотканых маринарках, в платках, картузах и польских форменных фуражках с лакированными козырьками, они теснились у подвод, ходили по рядам, ко всему приценивались, покупали же мало, только что из одежды. Слышалась русская, белорусская, а чаще польская речь.

Продавалась всякая всячина – от картошки и живых свиней до католических иконок и военного обмундирования. На лотках торговцев-профессионалов красовались сотни пачек литовских и немецких сигарет, самодельные пирожные и свечи, конфеты, полукопченая колбаса и булочки; здесь же под яркой заманчивой вывеской: „Буфет. Обеды как у мамы!“ – продавали горячие блюда и ароматный самогон – бимбер.

Частная торговля в освобожденных городах удивляла Андрея: он не мог понять предпринимательства. Буржуи, как он представлял их по книгам и кино, наверно, выглядели точно так, как эти сытые люди за лотками.

– Нэп, – авторитетно объяснял Таманцев. – Некоторое оживление частного капитала и спекулянтов. Придет время, их так прижмут – небо с овчинку покажется!..

Как и вчера, стояла тягостная жара, разогретый воздух был неподвижен. Заплатив двадцать рублей, Андрей выпил бутылку ядовито-красной воды на сахарине и снова отправился на улицы города.

Он остановился, не доходя перекрестка, увидев на другой стороне улицы, у тенистого палисада, заметную своей красотой пару: девушку в медицинском халате и белой шапочке и высокого щеголеватого лейтенанта.

– Ну что? – раздался рядом с Андреем голос вышедшего из-за угла Таманцева.

– Ничего.

– Ниц нема, – понимающе сказал Таманцев и перевел взгляд на парочку: – Влюбляются... Живут же люди!

– Надо было з-задержать их вчера на к-конт-рольном пункте.

– Учат тебя, учат, – досадливо поморщился Таманцев. – Ты пойми: нам нужны их связи, нужны факты, улики... Да, может, они в этом лесу даже не были. А может, были, но не имеют отношения к разыскиваемой нами рации. А если, допустим, имеют – брать их надо с поличным, доказательно. Или разобраться и исключить... А ты все одно: хватай мешки – вокзал отходит!

Несколько секунд они молчали. Пара на той стороне уже рассталась; девушка ушла, а лейтенант стоял с невеселым лицом и курил.

– Кошка между ними пробежала, – сказал Таманцев (он считал себя незаурядным психологом и физиономистом). – Или котенок как минимум.

– Ты д-думаешь, они в городе и мы их найдем?

– Думаю!.. Должны: городишко-то небольшой!.. Выше голову! – Он похлопал Андрея по плечу. – Шарик ведь круглый – куда же они денутся?!

24. Оперативные документы

Шифротелеграмма

«„Весьма срочно!»

Егорову Из Москвы 16.08.44 г.

Сообщая дешифровку перехвата по делу „Неман“, предлагаю принять активные меры к розыску и задержанию агентов и незамедлительному пресечению работы передатчика.

Судя по тексту, Вы имеете дело с крупной квалифицированной резидентурой, действующей с заданием оперативной разведки в тылах Вашего и сопредельных фронтов. Очевидно наблюдение за железной дорогой на линии Гродно – Белосток; не исключены челночные маршруты Вильнюс – Белосток (через Гродно) и Вильнюс – Брест (через Лиду – Мосты – Волковыск)...²⁴

О ходе розыска и всех проводимых Вами мероприятиях докладывайте ежедневно.

Приложение – упомянутое.

Кольбанов“

„ЗБ № 1604 „Неман“. Перехват от 13.08.44 г.

„ККК“. Последние трое суток [на] участке Гродно – Белосток проходило [в] среднем 22–25 эшелонов [с] войсками [и] техникой. [В] обратном направлении 5–7 санлечучек [и] порожняк. [Из] Прибалтики [на] Вислу [в] р-ны Варшавы [и] Демблина перебрасываются моторизованные понтонно-мостовые части [с] парками ТМП [и] Н2П, дивизионы РА М-13 [и] М-31. [На] Брест проследовал 473-й батальон автомобилей-амфибий. [В] Белостоке, Гродно, Вильнюс призваны 1895–1927 г. р. Ваши указания нотариусу переданы. Срочно нужны батареи [и] бланки. Кравицов“».

Записка по ВЧ

«Срочно!»

Лидя, Полякову

Сообщаю дешифрованный перехват от 13.08.44 г. и розыскную ориентировку на Павловского.

Рация с позывными КАО заслуживает самого серьезного внимания. Продумайте и доложите, что еще возможно предпринять.

Задержитесь на сутки в Лиде для активизации розыска, оказания практической помощи группе Алехина и организации поимки Павловского. Егоров»

²⁴ Два абзаца этого документа опускаются.

Записка по ВЧ

«Срочно!

Лиды, Полякову, Алехину

По ориентировке ГУКР Смерш № 9.651 от 27.07.44 г. разыскивается агент германской разведки Грибовский, он же Волков, он же Трофименко, он же Павловский Казимир, он же Иван, он же Владимир, по отчеству Георгиевич, а также Иосифович, 1915 г. р., урож. г. Минска, образование среднее, в прошлом член ВЛКСМ, инструктор и активист Осоавиахима.

В 1936–1939 гг. служил действительную в радиотехнических частях Московского военного округа.

Мать Павловского перед войной якобы осуждена за антисоветскую деятельность к 10 годам лишения свободы. Отец, по национальности немец, проживает на одном из хуторов Лидского р-на, Барановичской обл.

Сам Павловский в начале войны, будучи сержантом Красной Армии, с оружием перешел на сторону немцев. Весной 1942 г. с отличием окончил кенигсбергскую школу германской разведки. В 1942–1943 гг. девять или десять раз перебрасывался в тылы Красной Армии – радистом и старшим разведывательной группы. В 1942 г. под Москвой в момент задержания, отстреливаясь, убил офицера комендатуры и двух патрулей. С 1942 г. (неточно) – фольксдойче. За успешное выполнение заданий абвера награжден Железным крестом II степени, серебряной и двумя бронзовыми боевыми медалями.

В совершенстве владеет стрелковым оружием, приемами защиты и нападения. Особо опасен при задержании.

Словесный портрет: рост – высокий; фигура – средняя; волосы – русые; лоб – широкий; глаза – темно-серые; лицо – овальное; брови – дугообразные, широкие; нос – толстый, прямой, с горизонтальным основанием. Броских примет не имеет.

В середине июля с. г. в группе агентов, также обмундированных в форму советских офицеров, находился на переправочном пункте немецкой разведки в местечке Дальвицц близ Инстербурга (Восточная Пруссия), ожидая переброски в тылы Красной Армии».

Шифротелеграмма

«Срочно!

Егорову

Сегодня, 16 августа, в тылах корпуса, севернее местечка Заболотье, окружена и после отказа сдаться уничтожена остаточная группа противника в количестве девяти человек.

В составе группы кроме двух немцев, офицеров отдела „I-Ц“ штаба 9-й германской армии капитана Эриха Гебба и обер-лейтенанта Гельмута Штиля, продвигались в западном направлении семь власовцев, из них трое в форме РОА (без знаков различия), а четверо в советском военном обмундировании с погонами и красноармейскими книжками сержантов

частей 1-го Белорусского фронта, очевидно захваченными у убитых ими советских военнослужащих.

При ликвидации группы взято 8 автоматов, в т. ч. 4 ППШ, 9 pistols, 15 гранат, а также коротковолновая приемо-передаточная радиостанция немецкого производства, выпуск 1943 г., в рабочем состоянии.

Среди документов обнаружены: таблицы цифрового кода, перешифровальные блокноты с вырванными использованными листами, немецкие топографические крупномасштабные карты с нанесенным на них маршрутом движения из р-на Бобруйска, личные письма и фотографии.

Судя по записям в блокноте капитана Гебба, в пути группой дважды велось наблюдение за железной дорогой, в первом случае – трое суток, во втором – около двух. Пункты наблюдения не указаны, и установить их не представилось возможным.

Как явствует из маршрута, 12 или 13 августа группа проследовала северной опушкой Шиловичского лесного массива, где, судя по отметке, устраивала привал. Не исключено, что захваченная нами рация является разыскиваемым передатчиком с позывными КАО.

Буняченко»

Шифротелеграмма

«Срочно!

Буняченко

Рацию и все документы ликвидированной группы немедленно доставьте в розыскной отдел Управления.

Егоров»

25. В полдень на аэродроме

– Ты хотел танцевать от текста – танцуй! – сумрачно сказал Алехин Таманцеву и взял папиросу, предложенную Поляковым. – Благодарю.

Они стояли втроем у «виллиса» на краю аэродрома, возле одноэтажного здания отдела контрразведки авиакорпуса. В руке Поляков держал несколько листков – он только что прочел Алехину и Таманцеву дешифровку перехвата и ориентировку о Павловском.

– Разрешите, – попросил Таманцев у Полякова и взял листок с текстом.

– Ждешь его как манны небесной... – с досадой заметил Алехин и нетерпеливо прикурил. – Благодарю... А первый перехват, от седьмого августа?

– С тем, очевидно, задержка... – Поляков недовольно шмыгнул носом. – Приказание о внеочередной расшифровке касалось обоих. Очевидно, задержка... Шифр сложный, а они еще, наверно, меняют ключ. Я буду звонить и напомню.

– Квалифицированная разведсводка... – рассматривая текст, проговорил Таманцев.

– И все?

– Наблюдение за перевозками... за железной дорогой... – глядя в текст и напряженно соображая, не сдавался Таманцев. – Это... должно быть, резидентура...

– И все? – не унимался Алехин.

– А что, в Москве тоже так думают, – с почти неуловимой иронией сказал Поляков; он посмотрел на второй лист и прочел: – «Судя по тексту, Вы имеете дело с крупной квалифицированной резидентурой, действующей с заданием оперативной разведки в тылах вашего и сопредельных фронтов. Очевидно наблюдение за железной дорогой на линии Гродно – Белосток; не исключены челночные маршруты Вильнюс – Белосток (через Гродно) и Вильнюс – Брест (через Лиду – Мосты – Волковыск)»...

– И все?

– Нет, почему же... – Поляков посмотрел в текст. – «О ходе розыска и всех проводимых Вами мероприятиях докладывайте ежедневно».

– Да, из этого шубы не сошьешь, – возвращая листок с текстом, сказал Таманцев. – Кстати, территориально Белосток и все, что южнее Гродно, – Второй Белорусский фронт.

– Но все остальное-то наше! И в эфир они выходят у нас.

– Есть место выхода радиции в эфир, есть текст и кое-какие улики, а зацепиться не за что... – вроде бы рассуждая вслух, неторопливо произнес Поляков. – Скверно... Безусловно наблюдение за железной дорогой, причем не визуальное, со стороны, а где-то на станциях...

– Будто под брезент заглядывают, – заметил Алехин.

– Маршрутники или фланёры?²⁵ – спросил Таманцев; он во всем любил конкретность, определенность.

– Очевидно, стационарное наблюдение²⁶, – глядя на Полякова, предположил Алехин.

Наилучшая маска для фланёров и маршрутников во время войны – форма и документы военнослужащих. В начальный период Отечественной войны фланирование по железнодорожным узлам прифронтной полосы нередко осуществлялось немецкими агентами под видом эвакуированных граждан.

²⁵ Термины агентурной разведки. *Фланёры* – агенты, которые собирают разведывательные сведения (главным образом о передвижении войск и техники), переключивая со станции на станцию, нигде при этом подолгу не задерживаясь, чтобы не привлекать к себе внимания. *Маршрутники* в отличие от фланёров ведут визуальное наблюдение преимущественно в пути, при проезде в поездах и эшелонах.

²⁶ *Стационарное наблюдение* – систематическое визуальное наблюдение в одном пункте.

– Скорей всего, комбинированное... – сказал подполковник. – Это опытные, знающие свое дело люди...

– Судя по тексту, не немцы и, очевидно, не аковцы.

– Я же говорил: агенты-парашютисты! – воскликнул Таманцев.

– Возможно, – уклончиво сказал Поляков; он, как всегда, до последнего не хотел отсе-
кать и другие версии. – Причем связанные с агентурой, оставленной немцами на оседание...
Попытаемся установить, в каких пунктах ведется наблюдение...

– Тут нужен анализ движения эшелонов по всем этим линиям...

– Все, что касается анализа движения, я беру на себя... – заявил Поляков и взглянул на
следующий лист: – Теперь Павловский... Независимо от того, имеет он отношение к разыски-
ваемой нами рации или нет, его необходимо взять! Не теряя времени и непременно живым. И
тех, кто с ним, – тоже!.. Поручить это придется Таманцеву.

– А кто же у меня останется? – попытался улыбнуться Алехин.

– Я!.. Другого решения у меня нет. Дадим ему двух человек от Голубова. Возможно,
нужна продуманная, тщательно организованная ловушка или засада – действуйте по обстоя-
тельствам. Но займитесь этим сегодня же, не медля!.. Одновременно, – он перевел взгляд на
Таманцева, – сделайте все, чтобы до вечера отыскать этих двух, что были вчера на хуторе, и
разобраться с ними.

– Хозяин хутора некто Окулич, – сказал Алехин, – характеризуется положительно. Во
время оккупации был связан с партизанами. Ничего компрометирующего на него нет.

– Тем лучше. Поедешь насчет засады – заскочи к нему и поговори...

26. Алехин

К Окуличу я заехал по дороге, но его не оказалось дома, и поговорить с ним в этот день мне не удалось.

Для организации продуманной, тщательно подготовленной ловушки, для того, чтобы как-то обставить и разрабатывать связи Павловского, у нас просто не было времени. Реальным же было устройство засады в местах вероятного появления Павловского, точнее, в одном из мест – на большее у нас не хватило бы людей.

Таким местом мне прежде всего представился северный край Каменки, где у околицы проживала тетка Павловского, Зофия Басияда, единственная его близкая родственница в этом районе. Мысль о ней не оставляла меня все утро в Лиде, о ней более всего я размышлял и приехав на Каменские хутора.

С участковым милиционером мне повезло. Немолодой и не очень грамотный, он обладал мужицкой сметливостью, памятью и хитрецей. Он партизанил в этих местах, знал здесь многих, причем держался с крестьянами запанибрата, и разговаривали с ним охотнее, да и откровеннее, чем со мной или с любым незнакомым человеком. Сняв пилотку и погоны, я работал под видом сотрудника милиции, впрочем, никому не представлялся.

Поводов для бесед с местными жителями у нас оказалось более чем достаточно. Четыре дня назад невдалеке от Каменки обстреляли воинскую автомашину, шофер и сопровождающий были убиты, из кузова растащили около сорока комплектов военного обмундирования. Последнее время в округе участились ночные кражи, преимущественно продуктов, из амбаров и погребов; в двух случаях предварительно были отравлены собаки. Забирали в основном муку, сало, а в одном месте умудрились без шума унести кабана весом пудов на десять – хозяйева даже не проснулись. И еще был ряд разных дел: подпольное акушерство, пьяные драки, подделка документов, попытка членовредительства с целью уклонения от мобилизации и тому подобное.

Откровенностью, разумеется, нас не баловали. Все, что удалось мне узнать, складывалось по крупицам, выуженным в разговорах на отвлеченные темы, причем в услышанном отсутствовало единогласие, необходимое для уточнения и перепроверки, – сведения были во многом противоречивы.

Примечательно, что Павловский-старший и его сестра Зофия Басияда характеризовались большинством положительно, о Свириде же отзывались как о человеке недобром, мелочно-корыстном и завистливом.

С ним я встретился и разговаривал один на один. Высмотрел издали на поле, подобрался незаметно и окликнул из кустов.

Вел он себя спокойней и несравненно сдержанней, чем при первом разговоре в орешнике. Он явно замкнулся, сам уже ничего не рассказывал, только отвечал на вопросы односложно и, как я почувствовал, весьма неохотно. Более того, у меня возникло ощущение, что он локти себе кусает – зачем в прошлый раз наговорил мне лишнего. Что же позавчера толкнуло его на это?

Патриотические побуждения в данном случае я исключал. Зависть?... Корысть?... Неприязнь?... Ненависть?... Чувство мести?...

Само собой напрашивалось довольно правдоподобное психологическое построение. Павловский и Свирид – ровесники, один сильный, преуспевающий (по понятиям горбуна), другой – физически неполноценный и неудачливый. Тут возможны и зависть, и неприязнь – они в характере Свирида, но это, так сказать, постоянный, долговременный фактор, причина. А повод, толчок?...

Все это вроде бы прояснилось, когда в разговорах на хуторах я узнал подробнее о Юлии, той самой Юлии, о ком сообщалось в записке, посланной в тюрьму Павловскому-старшему.

Что она батрачка Павловских, я выяснил у участкового еще по дороге. А тут обнаружилось, что она ни больше ни меньше как младшая сестра жены горбуна, Брониславы.

То, что я о ней по частицам узнал, выглядело в целом так.

Антонюк Юлия Алексеевна, 1926 года рождения, белоруска, католического вероисповедания, уроженка деревни Белица Лидского района, образование два класса.

Сирота; с тринадцати лет в услужении у Павловских.

Якобы нещадно эксплуатировалась Павловским-старшим; по другим данным, относился он к ней как к родной, очень хорошо.

«Файная»²⁷ – это отмечали почти все. В период оккупации одевалась нарочито неряшливо, грязно. Будто бы неделями не умывалась, чтобы избежать приставаний немцев. По другим данным, тайком встречалась с каким-то немцем и от него прижила ребенка – девочке полтора года, зовут Эльза.

Как бы то ни было, во время оккупации имела какой-то аусвайс²⁸ – документ, который помог ей избежать отправки на работу в Германию (а может, ее отстоял фольксдойче Павловский-старший?).

В первых числах июля, перед приходом наших войск, якобы уехала с немцами в Германию, во всяком случае, отсутствовала около полутора месяцев. Вернулась два дня назад под вечер, примерно за сутки до моего первого разговора со Свиридом.

Как выяснилось, после отъезда Юлии Свирид забрал все ее вещи к себе в хату, а по возвращении кое-что не захотел отдать. Очевидно, из-за этого и происходил скандал позавчера, когда я зашел к нему в хату. Юлии там не было, но заплаканные женщины – жена Свирида и его старуха мать, – полагаю, уговаривали горбуна вернуть все по принадлежности.

Примечательно, что он, в прошлый раз по собственной инициативе заявивший, что у него в доме есть фотографии Павловского, и сам пообещавший принести их мне, теперь сказал, что не смог найти ни одной. Фотокарточки были необходимы для розыска, и, чувствуя, что на этого человека сильнее всего действует страх, я с волчьим, наверное, выражением лица и откровенной угрозой сказал ему, что он, очевидно, захотел обмануть советскую власть, – так вот, у него это не получится. Я заверил его, что все, о чем он мне рассказал, останется между нами, однако если он не будет помогать нам и дальше и не принесет немедля фотографии Павловского, то пусть пеняет на себя. Он даже не представляет, пригрозил я, что тогда с ним будет.

Такое наглое запугивание, как я и рассчитывал, оказалось весьма действенным. Во всяком случае, спустя минуты он принес и отдал мне две хорошие, отчетливые фотографии Павловского. Их следовало переснять и размножить – это без труда сделали бы в отделе контрразведки авиакорпуса, – но прежде надо было показать их Таманцеву.

Я уже послал за ним машину в Лиду на станцию, как мы договаривались, и ждал его с нетерпением. Не только потому, что хотелось поделиться с ним своими соображениями и послушать его, но и потому, что требовалось засветло выбрать место, наиболее подходящее для засады, а решающее слово тут, конечно, было за ним. Относительно места для засады – за ним, что же касается выбора объекта наблюдения – за мной, и тут уж я не имел права ошибиться. Он должен был приехать с минуты на минуту, а я все еще раздумывал...

²⁷ Красивая (польск.).

²⁸ Аусвайс – удостоверение личности, выдававшееся жителям на временно оккупированной немцами территории.

27. В парикмахерской

От солнца и духоты разламывалась голова. Упрямо передвигая натруженными, зачугу-невшими ногами, Андрей дошел до перекрестка. На противоположном углу, в сколоченном из досок домике, помещалась парикмахерская Военторга – за день Андрей уже раз пять заглядывал в нее.

Не хотелось переходить на солнечную сторону, и какие-то мгновения он колебался. Затем пересек улицу, поднялся на крыльцо, к порогу, и... обнаружил того самого лейтенанта, которого видел вчера на хуторе, у опушки Шиловичского леса.

Лейтенант сидел в кресле, и мастер, чернявый узкогрудый старик с большим крючкова-тым носом, стриг его.

Андрей невольно окинул взглядом улицу – с кем бы посоветоваться?! – хотя знал, что ни Алехина, ни Таманцева поблизости нет. Затем сел на лавочку на крыльце и скопил глаза в раскрытую настежь дверь.

У столиков с зеркалами помещались три обшарпанных деревянных кресла; кроме черня-вого старика работали еще две парикмахерши: толстая, уже в годах, но быстрая, с бесчислен-ными кудряшками на голове и очень молодая хорошенькая девушка в чистом аккуратном хала-тике и сапожках. Слева, у самого входа, была прибита вешалка, далее на расставленных вдоль стены стульях ожидали своей очереди пятеро военнослужащих: худой длиннолицый военврач с погонами капитана медицинской службы (он читал газету); младший лейтенант – летчик, миловидный, пухлощекий, совсем еще мальчик; старшина, тоже из авиации, одетый весьма нарядно, – в летнем офицерском обмундировании, с планшеткой на длинном ремне, и два солдата-артиллериста.

Шестой же – сержант-танкист, за кем Андрей занял очередь, – курил возле дверей.

– ... Павлик Федотов из Двадцать пятой, – рассказывал старшина-авиатор молоденькому летчику, – сбил вчера тридцатого фрица... Мужик! – восторженно воскликнул он, подняв вверх большой палец. – Выпьет два литра – и как огурчик!..

– Следующий! – утирая потное лицо платочком и вздыхая, позвала полная парикма-херша; от жары она страдала, очевидно, более всех, но работала проворнее, чем старик или молоденькая.

– Ваша очередь, – сказал военврач старшине.

– Я пас! – ухмыляясь, небрежно сообщил старшина и указал глазами на хорошенькую девушку: – Жду мастера.

Военврач торопливо сложил газету и, сняв очки, уселся в кресло. Бриться он не поже-лал и, брезгливо оглядывая не первой свежести простынку и халат толстой парикмахерши, подробно объяснил, как именно его постричь.

Андрей потихоньку рассматривал в зеркале лейтенанта.

Тот с довольно флегматичным видом, как-то расслабленно сидел под белой простынкой в кресле, откинувшись на спинку, положив руки на подлокотники и время от времени полу-прикрывая веки; чернявый мастер, не спеша действуя ножницами, подстригал его длинные белокурые волосы.

У лейтенанта было славное простое лицо, большие светлые глаза – как показалось Андрею, в них было что-то задумчиво-усталое.

Андрей припомнил, что в дивизии, где он воевал, в соседнем полку был начхим, удиви-тельно похожий на этого лейтенанта, – бедняга подорвался на mine, его разнесло на части...

В раскрытую дверь из парикмахерской плыл сладковатый запах дешевой парфюмерии; там, в духоте, было еще хуже, чем на улице, и дышалось с трудом. Назойливо жужжали десятки мух, норовя усестись на потные лица.

Старшина из авиации негромко, но оживленно рассказывал юному летчику о воздушных боях. Тот слушал с явным интересом, больше молчал, лишь изредка поддакивая или понимающе улыбаясь. Это был разговор избранных, густо пересыпанный специальными авиационными терминами и сопровождаемый выразительной жестикуляцией старшины: движениями ладоней он весьма наглядно изображал различные маневры воздушного боя.

Судя по разговору, это был человек знающий и бывалый: ему доводилось сбивать «мессершмитты» и «юнкеры», бомбить Кенигсберг и обстреливать с воздуха немецкие эшелоны. Об известном летчике он говорил так, словно тот был его близким приятелем и общался с ним повседневно; о различных системах самолетов он рассуждал свободно и уверенно, как пилот, самолично испытывавший их лётные и боевые качества. Он знал решительно все, и было только непонятно, в какой, собственно, авиации он служит: в истребительной, в штурмовой или бомбардировочной?

Незаметно рассматривая в зеркале лицо лейтенанта, Андрей пытался определить, прислушивается ли он к разговору или нет. Было совершенно очевидно: лейтенант не проявляет интереса ни к тому, что происходит в парикмахерской, ни к тем, кто в ней находится. Выражение лица у него было безразлично-вялое и даже немного сонное – может, оттого, что он тоже был разморен жарой. Временами, поворачивая голову, он разглядывал в зеркале свою прическу, дважды трогал рукой волосы на затылке и что-то говорил мастеру.

Когда лейтенант смотрел в зеркало, Андрей, чтоб не встретиться с ним взглядом, рассматривал плакаты, расклеенные на стенах парикмахерской.

Один из плакатов – «Болтун – находка для шпиона!», – висевший на видном месте, меж зеркалами, и, пожалуй, наиболее броский, привлек внимание Андрея. Пожилая работница, приставив палец к губам и гипнотизируя строгим неотступным взглядом, предостерегала: «Не болтай!» Эти два слова большими буквами были выведены внизу плаката, а в верхнем углу было написано:

Будь начеку!
В такие дни
подслушивают стены.
Недалеко от болтовни
и сплетни
до измены.

Взяв гребень с ваткой, чернявый расчесал лейтенанту волосы, сделал еще несколько движений ножницами и, осмотрев свою работу с разных сторон, принес из чуланчика, где горела керосинка, алюминиевый стакан с кипятком, кисточку и так же неторопливо, как и все, что он делал, принялся править бритву на ремне.

В парикмахерскую, запыхавшись, вошел и окинул всех хмурым взглядом пожилой капитан-артиллерист с палочкой в руках; как оказалось, заняв ранее очередь, он куда-то отлучался и, возвратившись как раз вовремя, тут же уселся в среднее кресло к полной парикмахерше.

«И ничего в нем нет подозрительного», – огорченно размышлял Андрей, глядя на лейтенанта.

Рядом словоохотливый старшина, не умолкая, рассказывал молоденькому авиатору:

– Двадцать седьмую перебросили в Белосток. Вот это город! Правда, центр побит, но женщины! – Старшина восторженно почмокал губами; только теперь Андрей заметил, что тот навеселе. – Это с нашей Дунькой раз, два – и в дамки, – заявил он убежденно. – А польки не-ет! Обхожденьице дай, ласку, пододец. Разные там: падам до нужек шановни пани, пше-

прашем, пани, цалую рончики²⁹... И еще вагон всякой галантерейности. Не раз вспотеешь. А иначе – напрасные хлопоты. Это тебе не наша Дунька: погладил по шерстке – и замурлыкала! Не-ет!.. Обхождение дай! Подходец тонкий требуется, с виражами! А так, запросто, не прошелестишь...

Капитан-артиллерист (ему только намылили лицо) обернулся и угрюмо посмотрел на старшину; тот, не заметив, продолжал рассказывать об особенностях обхаживания женщин в Польше, о каком-то Березкине из 6-й истребительной и о случае, который произошел с этим летчиком, когда он, хлебнув «послеполетные» за всю эскадрилью, отправился с аэродрома в Белосток и спяна «пустил пузыря»³⁰.

Старшина совершенно не умел молчать. Оставив Березкина, он заговорил о новых, только что полученных истребителях Як-3. Если о некоторых других самолетах он был весьма невысокого мнения и называл их не иначе как «дубами», «гробами» и даже «дерьмом», то о новых истребителях он отзывался с похвалой и всячески расписывал их достоинства:

– ... Устойчивы, поворотливы, в управлении – как перышко! Но главное – скорость! Не машина – молния! Как-нибудь шестьсот пятьдесят, а это не семечки – абсолютное превосходство! И в маневре бесподобны. Ручку на себя – в небе тает. И вооружение усилено. Скажи мне: есть у немцев такая машина?... И не снилась!..

«Вот звонарь! – с досадой подумал Андрей. – Ну что его, за язык тянут, что ли?»

– Прыщичек тут у вас, – виновато улыбаясь, сообщил чернявый лейтенанту, неосторожно задев его бритвой около уха и заметив капельку крови.

– Из Тринадцатой и Двадцать пятой тоже поехали за новыми машинами. Нагонят этих Яков или, может, Ла-7 получат – и немцам неба не видать. Точно! Это тебе не сорок первый год...

Отстранив брившую его толстую парикмахершу, капитан-артиллерист с мыльной пеной на лице и салфеткой на груди поднялся в этот миг из кресла и шагнул к старшине.

– Встаньте! – потребовал он.

Старшина, не понимая, поднялся, планшетка болталась у голенищ его щегольских сапожек.

– Трепач! – вдруг резко сказал, вернее, выкрикнул капитан. – С вашим языком не в авиации служить, а коров пасти!.. Идите отсюда!..

Мастера обернулись на шум. Весь красный, старшина еще какое-то время продолжал стоять, затем медленно прошел к выходу и, поймав участливый взгляд смазливой парикмахерши, остановился вполборота у двери и попытался улыбнуться: улыбка получилась растерянная и неестественная, вся развязность и бойкость сразу слетели с него. Постояв так секунды, он вышел. Младший лейтенант – летчик, с которым он говорил, – покраснел как кумач. Все молчали.

– Вы мне йодом помажьте, – негромко промолвил в наступившей тишине старому мастеру лейтенант; он менее других обратил внимание на это небольшое происшествие: он был занят осмотром пореза и заметно тревожился. – А то, знаете...

– Не извольте беспокоиться, – услужливо заметил чернявый. – Сделаем в лучшем виде...

Капитан-артиллерист снова сел в кресло и, подергивая головой и нервно поправляя салфетку у воротника, с возмущением говорил в это время парикмахерше:

– Трепется и трепется. Как баба! Противно слушать!..

– И верно! Мы, женщины, куда как разговорчивы, – вдруг не к месту певучим голосом сказала парикмахерша, игриво и весьма глупо улыбаясь. – Все от простоты нашей, откровенности!.. И страдаем всегда за это...

²⁹ Падаю к ножкам прекрасной пани, прошу прощения, пани, целую ручки (польск.).

³⁰ «Пустить пузыря» – потерять ориентировку, заблудиться.

– Уж вы откровенны! – мрачно и с раздражением сказал капитан. – Трепачишка чертов! Сопляк!.. – Он никак не мог успокоиться. – Знаю я вашу простоту, – он похлопал себя по шее, – на своей шкуре испытал!

И, проведя ладонью по выбритой щеке, тем же злым, возбужденным тоном спросил:

– Вы думаете, он летает?... Писарюга какой-нибудь! Или на аэродроме самолетам хвосты вертит. А я в горячах промашку дал: его, разгильдяя, в комендатуру отправить надо было!..

Между тем лейтенанту приложили к лицу горячую салфетку – компресс.

– Я за вами, – поднимаясь, напомнил Андрей сержанту. – Сейчас п-приду...

28. Вот и второй!

Выйдя из парикмахерской, лейтенант, подстриженный и похорошевший, взглянул на часы, закурил и неторопливой походкой направился в сторону станции. Андрей на значительном расстоянии следовал за ним.

Как и большинство его сверстников, лейтенант с откровенным интересом поглядывал на встречаемых девушек и молодых женщин; остановился у афиши кино, прочитал, попытался заговорить с худенькой блондинкой, впрочем безуспешно. Пошел дальше, вид у него был довольно беззаботный, однако он не забывал отдавать честь, причем делал это четко, с той легкостью, какая отличает служащих в армии не первый год. У железнодорожного переезда он бросил окурок, который, как перед этим и спичка, был тут же украдкой подобран Андреем.

Во всем облике лейтенанта, в его фигуре, лице, походке, поведении и обмундировании, не было ничего примечательного или необычного, как говорится, не на чем взгляд остановить; за годы войны Андрею приходилось видеть десятки, если не сотни таких юношей в военной форме.

Вслед за лейтенантом Андрей вышел на пристанционную площадь, где вдоль штакетника стояло несколько автомашин.

– Товарищ полковник, – послышалось совсем рядом, – разрешите...

Андрей обернулся и буквально в двух метрах от себя увидел стоящего навтыжку возле полуторки Таманцева и рядом с ним двух незнакомых усмехающихся офицеров – капитана и старшего лейтенанта, как догадался Андрей, прикомандированных.

– Виноват, – дурачился Таманцев. – Разрешите обратиться...

– Т-ты еще не уехал? – не обращая внимания на подначку, удивился Андрей и, жестом подозвав Таманцева, указал взглядом на идущего впереди, метрах в сорока, лейтенанта.

Таманцев посмотрел и сразу сделался серьезным.

– Где ты его достал?

– В п-парикмахерской.

– Молодчик!

Таманцев уже принял решение и, оборотясь, велел двум офицерам:

– Ждите меня!

Он и Андрей последовали за лейтенантом. Тот направился в конец станции, где возле столовой продпункта, очевидно поджидая его, стоял круглолицый капитан.

– Вот и второй, – обрадованно сказал Таманцев и посмотрел на часы. – Без трех минут четыре... Надо полагать, они условились здесь встретиться...

* * *

Капитан и лейтенант обедали долго, около часа, по-видимому никуда не торопясь. Тем временем Таманцев и Андрей лежали на траве за низкорослым крапивником, метрах в пятидесяти от столовой. В тени места, пригодного для наблюдения, поблизости не было, приходилось снова жариться на солнце.

Таманцев внимательно рассмотрел окурок, затем сравнил две обгорелые спички – брошенную лейтенантом и найденную в лесу на поляне, – они оказались разными.

– Все это фактики... – вздохнул он и, бережно завернув окурок и спички в старое письмо, уложил в плексигласовый портсигар и спрятал в карман. – Топаешь целый день, – заметил он погодя, – и дела будто не делаешь, а устанешь как собака и проголодаешься. Ты ел чего?

– Нет.

– И я тоже. – Таманцев жадно потянул носом, ему все казалось, что от столовой доносится запах мясного борща. – Сейчас бы чего-нибудь кисленького... – мечтательно произнес он, – вроде жареного поросеночка!.. С хренком! И пивка бы пару бутылочек со льда...

Андрей угодил рукой в крапиву и, растирая ожженное место, осматривал небо.

– Ну и ж-жарынь... Как бы грозы не было.

– Грозой сыт не будешь... А они обедают, – кивая в сторону столовой, не унимался Таманцев. – Сегодня там борщ мясной с помидорками и гуляшник с макаронами. Такой гуляшник – пальчики оближешь!

– А ты откуда з-знаешь?

– А я не знаю – я только так думаю... Да-а, пожарть не мешало бы! Как говорил товарищ Мечников, еда – самое интимное общение человека с окружающей средой. А уж он-то соображал...

Таманцев дважды со стороны кухни подходил к продпункту и заглядывал в уставленный длинными столами большой зал, но зайти внутрь не решился: кормили маршевый эшелон. В столовой, как и вообще на станции, было многолюдно, но офицеров – единицы. И рисковать – вести наблюдение в самом помещении – не стоило, тем более что круглолицый капитан и лейтенант сидели за столом одни.

Когда же, пообедав, они вышли из столовой, закурил только лейтенант; капитан, очевидно, был некурящим.

Медлительной походкой сытно пообедавших людей они направились в расположенный рядом агитпункт, где, сидя у открытого окна, минут пятнадцать читали газеты.

Оставив Андрея наблюдать, Таманцев зашел к своему знакомому, помощнику коменданта станции, который находился неподалеку, в здании блокпоста. Дождавшись, когда наблюдаемые вышли из агитпункта, Таманцев подозвал помощника коменданта к окну и показал ему офицеров. Тот сказал, что лейтенанта он наверняка видит впервые, капитана же вроде встречал на станции, но не ручается, так как, мол, ежедневно проезжают тысячи офицеров и всех не упомнишь.

– А зачем они тебе? – поинтересовался он.

– Хотел бы знать – кто они.

– Всего-то?! – хмыкнул помощник коменданта. – Сейчас приглашу их – и все узнаем.

– Нет, нет, это не годится...

29. На станции

На путях станции, где находилось семь воинских эшелонов с людьми и техникой, царило обычное для прифронтового железнодорожного узла шумное оживление.

Солдаты и сержанты кучками теснились меж составами, на перроне и окрест, гомонили, бегали с котелками и фляжками, таскали ведра и бачки с варевом, обедали, щелкали семечки, плясали, играли в «жучка», мылись и даже стирали. Пронзительно крича, двигался маневровый паровозик; около вагонов, обстукивая молоточками колеса и хлопая крышками букс, проворно сутились перепачканные потные смазчики; слышалось мощное дыхание и гудки паровозов.

На платформах тесно, одна к другой, стояли прикрытые брезентами самоходные установки, затянутые маскировочными сетями длинноствольные пушки со следами еще заводской смазки, замаскированные ветками полевые кухни, легковые и специальные автомашины. Кое-где над эшелонами, как руки, прикрывающие от удара с воздуха, вытянулись стволы зенитных орудий.

На одной из платформ у тупорылой, угрюмого вида гаубицы возились рослые, мокрые от жары и напряжения артиллеристы. Молодцеватые казаки-гвардейцы с обязательными чубами, в фуражках, где-то на самом затылке лихо заломленных набекрень, и шароварах с красными лампасами прямо в теплушках, откуда несло крепким запахом навоза и лошадиного пота, чистили и обливали водой коней. За их работой из соседнего состава с выражением на лицах высокого достоинства, превосходства и явного пренебрежения молча наблюдали молоденькие морячки в форменках и тельняшках.

Бывалые солдаты с орденами, медалями, гвардейскими значками и нашивками за ранения на побелевших от солнца и стирки гимнастерках; молодые бойцы маршевых рот в новеньком, только со склада обмундировании; танкисты в надетых на голое тело замасленных комбинезонах; пехотные офицеры в полевых, с зелеными звездочками фуражках; морские лейтенанты в щегольских мичманках с золотистыми «крабами»; летчики в пилотках с голубым кантом и хромовых шлемофонах – кого здесь только не было!

Все это разнородное войско – выдавшие всякие виды гвардейские подразделения, одетые с иголочки маршевые роты и офицерские команды, вся эта новенькая, без царапинки техника – все двигалось к фронту, навстречу тяжелым и для многих последним боям...

Простираясь широкой полосой своих оперативных тылов к северу и юго-западу, фронт, по существу, начинался уже здесь, только пушки еще молчали, а действовали паровозы.

Но мысли о предстоящих боях и о смерти, должно быть, мало кого занимали. Со всех сторон слышались громкий разноголосый говор, веселые, а подчас соленые прибаутки, звуки гармошек и взрывы хохота. О противнике же было положено думать лишь тем, кто дежурил на платформах у зениток и счетверенных пулеметов, да еще летчикам-истребителям, что патрулировали в знойном небе высоко над станцией.

Андрей не без волнения ожидал, что круглолицый капитан и лейтенант затеряются в толпе и будут толкаться меж составами, прислушиваясь к разговорам и присматриваясь. Однако этого не произошло.

Покинув агитпункт, они, не подходя к эшелонам, минут десять постояли на перроне, где в многолюдном, очень шумном кругу, распаленные азартными выкриками зрителей, обливаясь потом, состязались в веселом переплясе двое: пожилой, кряжистый, с бочкообразной грудью старшина-артиллерист (несмотря на возраст, вся его тучная фигура дышала здоровьем и силой) и маленький круглоголовый пехотинец, этакий задорный живчик, крепыш лет восемнадцати, с новеньким орденом Ленина на гимнастерке.

Затесавшись в толпу увлеченных пляской зрителей, Таманцев и Андрей могли теперь вблизи хорошенько рассмотреть наблюдаемых.

У капитана было толстошее, совершенно круглое, с утиным носом и мелкими щербинками бабье лицо, некрасивое, но очень доброе. За мочкой правого уха темнела родинка величиной с горошину. Большими зеленоватыми глазами он увлеченно следил за плясавшими и улыбался. Над правым карманом его гимнастерки желтела нашивка за ранение, над левым – виднелась планка с ленточками ордена Красной Звезды и двух медалей.

Лейтенант не сводил глаз с плясавшего и от души смеялся, показывая рот, полный ровных белых зубов. В его юношеском, мягкого очерка лице было что-то нежное, девичье, и Таманцеву он вдруг напомнил светловолосую артистку, певшую партию пастушка в единственной слышанной Таманцевым опере.

На обоих офицерах было не новое, но чистое обмундирование, свежие подворотнички, а на ногах – форменные, массового пошива яловые сапоги, отпечатки которых, как еще вчера определил Таманцев, несомненно, не имели сходства со следами, обнаруженными у родника.

Если Андрей разглядывал офицеров главным образом с любопытством, то Таманцев сосредоточенно работал: на всякий случай составлял мысленно и запоминал словесные портреты обоих – занятие сложное, требующее острого глаза, опыта и наблюдательности.

По перрону пробегали два молоденьких лейтенанта – рыжеволосый, коренастый, с забинтованной рукой на перевязи и тонкий, сутуловатый, с пачкой газет под мышкой. Увидав Андрея, стоявшего позади круга зрителей, они бросились к нему.

– Блинов, ты?! Вот это встреча!.. Здорово! – вперебивку закричали они, пожимая Андрею руку и хлопая его по плечу. – Ты где?

– З-здесь... – смущенно промолвил Андрей.

– Смотри!.. Мы-то думали, ты там... – указал рукой на запад рыжеволосый, и оба продолжали: – Говорили, ты после госпиталя в разведку попал... за линию фронта... А ты по тылам кантуешься...

– А вы к-как, р-ребята? – попытался перевести разговор Андрей.

– Два месяца в боях... Видишь, по ордену прибавилось... До Восточной Пруссии дошли... – тараторили лейтенанты. – А ты свои чего не носишь?... Три благодарности от Верховного...

– Как там в б-батальоне? Васек К-косолапов, Терпячий, Скоков?

– Васек убит, а Терпячий в госпитале!.. И комбат убит, и замполит!.. Еще под Минском... Прямое попадание в капэ!.. – перебивая друг друга, восклицали лейтенанты. – Наумов на амбразуру лег – посмертно Героя дали... И ротный твой погиб, и Фельдман... А Басову ноги оторвало... И меня тоже хватило. – Рыжеволосый приподнял перебинтованную руку и радостно сообщил: – Гангрена началась, чуть не оттяпали!.. Старого состава человек сорок, остальные из пополнения... Нас под Варшаву перебрасывают... Идем – посмотришь!.. Наш эшелон на втором пути... Скоро отправляемся...

– На втором п-пути... Сейчас, ребята!..

– Идем! – Рыжеволосый ухватил Андрея за руку.

– Сейчас, р-ребята!.. Одну минуту... Сейчас п-приду!..

С тоской смотрел Блинов вслед убегавшим офицерам; он чувствовал, как слезы навертываются на глаза.

– Ты что, Андрюша? – подошел к нему Таманцев.

– Ничего, – дрогнувшим голосом сказал Андрей. – Мой п-полк...

– Я понял...

– Под Варшаву едут... В-васек убит... и ротный, и к-комбат... – Андрей отвернул лицо: слеза все же выползла и заскользила по щеке. – А я... ищи и с-собирай окурки... Не хочу! –

обиженно произнес Андрей. – П-подозреваемые, проверяемые – сам черт ногу сломит... П-пропади они в-все п-пропадом!

– Милый, да если окурок нужен для дела, за него полжизни отдать не жалко! – заверил Таманцев, поспешно соображая, как разрядить ситуацию, и вмиг настраиваясь «бутафорить»³¹.

– В п-полку я ч-человеком был... Лучшим взводом к-командовал! А з-здесь иждивенец ваш... и п-пользы от меня...

– Некачественно ты ко мне относишься! – сделав обиженное лицо и раздувая ноздри, заявил Таманцев. – И к Паше тоже!

– П-почему некачественно? – запротестовал Блинов.

– Потому!.. Если ты серьезно считаешь, что от нас здесь меньше пользы, чем на передовой, то... извини... Это настолько оскорбительно – нет слов!

С обиженным видом и не без возмущения Таманцев развел руками и, чувствуя, что теперь надо смягчать, примиряюще продолжал:

– Ты эти завиральные мысли брось... Какой же ты иждивенец?... А кто на этих двух наткнулся?... Кто лейтенанта нашел?... А след у родника?! Дурашка, да мысленно я тебе аплодирую!

– Т-толку-то что?

– Толк будет! Как говорил товарищ Христос, ищите и обрящете!.. Ты пойми... – Таманцев неожиданно обнял Андрея и быстро доверительно зашептал: – Я обучу тебя стрельбе по македонски, силовому задержанию... поднаберешься опыта, оперативная хватка появится – да тебе же цены не будет!.. Мы с Пашей сделаем из тебя настоящего чистильщика!.. «Волкодава»!..³² Да ты любого парша³³ голыми руками брать сможешь!..

Пляска оборвалась внезапно. На путях у эшелонов призывно заиграл горн, зазвучала повторяемая громкими голосами команда: «По ваго-нам!.. По ваго-о-нам!..» Многие оборачивались, высматривая, какой эшелон отправляется; гармошка умолкла.

Маленький пехотинец, бросив плясать, с досадой сплюнул и, переводя дыхание и утирая платком мокрое лицо, вытянулся, став на цыпочки, чтобы разглядеть; ему крикнули из толпы, и, махнув гармонисту рукой, он, одергивая гимнастерку, подошел к старшине-артиллеристу и, энергично пожимая ему руку, ломающимся баском, улыбаясь, но с огорчением громко сказал:

– Ну... бывай! Свидимся – допляшем!..

И вслед за гармонистом пошел из круга.

Зрители неохотно расходились. Круглолицый капитан и лейтенант, словно что-то вдруг вспомнив, заторопились и, покинув перрон, направились в город.

В их поведении не было ничего подозрительного или даже примечательного. Если на станции они не прислушивались к разговорам, не присматривались и не проявляли интереса к воинским эшелонам, то теперь они шли, разговаривая между собой, и ни разу не оглянулись.

Тем не менее Таманцев, как всегда, действовал с большой осторожностью: он следовал за офицерами на предельно дальней дистанции; Андрей шел, отстав от него еще на полсотни метров.

Двигаясь таким образом, они оставили вправо развалины древней крепости, миновали костел и вышли к восточной окраине города. Здесь, не доходя речушки, на тихой, совсем деревенской улочке, офицеры, приблизившись к одному палисаднику, открыли калитку, зайдя, заперли ее и прошли в дом, причем сделали все это привычно: по-видимому, они здесь жили или не раз бывали.

³¹ «Бутафорить» – играть, изображать что-нибудь с какой-либо целью.

³² «Волкодав» – розыскник, способный брать живьем сильного, хорошо вооруженного и оказывающего активное сопротивление противника.

³³ Парш – агент-парашютист; более распространено: сильный, способный оказать серьезное сопротивление противник.

Знаком руки Таманцев подозвал Андрея.

– Слава богу, кажется, причалили, – с облегчением сказал он. – Ближе подходить нельзя.

И здесь оставаться тоже.

Сворачивая направо, он поспешно зашарил взглядом и, высмотрев укрытие, подходящее для наблюдения, повел глазами влево:

– Тебе придется обойти... за речку, вон в те кусты. Я объясню капитану, как тебя найти. Давай!..

30. Оперативные документы

Записка по ВЧ

«Срочно!

Егорову, Полякову

По данным НКГБ СССР, на территории Южной Литвы и Западной Белоруссии действует подпольная организация польского эмигрантского правительства в Лондоне „Делегатура Жонду“, имеющая одной из основных задач ведение оперативной разведки в тылах Красной Армии и на фронтовых коммуникациях. Для передачи сведений „Делегатура“ располагает коротковолновыми радиопередатчиками и сложными цифровыми шифрами.

Одним из руководителей этой организации является находящийся ныне на нелегальном положении в р-не г. Вильнюса Мариан Квапинский 1906 или 1908 г. р., урож. г. Белостока, в прошлом офицер польской армии, по образованию адвокат, сын владельца крупной нотариальной конторы в Кракове. Содержание перехваченной 13.08.44 г. шифрограммы радиции с позывными КАО соответствует информации, весьма интересующей лондонский и варшавский центры. Вполне допустима принадлежность разыскиваемого передатчика к „Делегатуре“, не исключено, что Мариан Квапинский и есть „нотариус“, упоминаемый в тексте перехвата.

Устинов»

Записка по ВЧ

«Срочно!

Егорову

Управлением контрразведки 1-го Прибалтийского фронта 2 августа с. г. арестованы немецкие агенты-парашютисты Антанас Гогелис и Владас Жельнис, окончившие разведывательно-диверсионную школу, дислоцированную в 14 км от г. Быдгощ (Бромберг), в имени Вальден.

Органами контрразведки того же Управления 11 августа захвачена еще одна группа агентов в составе Люкайтиса, Сенкявичюса, Яцункаса, которые окончили ту же самую школу.

Обеим группам, переброшенным в тылы фронта под видом офицеров Красной Армии с заданием оперативной разведки, было предложено:

а) связаться с действующими бандами литовско-немецких националистов, так называемой ЛЛА, для получения от них шпионской информации;

б) с целью сбора сведений о передвижениях наших войск вести визуальное наблюдение на коммуникациях Прибалтийских и Белорусских фронтов, совершать челночные железнодорожные маршруты, в частности на линиях Даугавпилс – Белосток (через Вильнюс, Гродно) и Вильнюс – Брест (через Лиду и Барановичи или Волковыск).

Согласно показаниям арестованных, в вальденской разведшколе создано специальное отделение, где обучаются лица литовской национальности, в основном скомпрометированные пособничеством оккупантам, как правило, свободно владеющие русским языком.

Сведения, содержащиеся в перехваченной 13.08.44 г. шифрограмме рации с позывными КАО, соответствуют заданиям, полученным группами А. Гогелиса и В. Люкайтиса. Вполне возможно, что разыскиваемый Вами передатчик используется одной из групп агентов, окончивших литовское отделение вальденской разведшколы и переброшенных в тылы фронта.

Ваши соображения по поводу этой версии сообщите.

Управлению контрразведки 1-го Прибалтийского фронта даны указания немедленно подробно информировать Вас обо всех имеющихся у них материалах по вальденской разведшколе противника, а также передать Вам в случае необходимости опознавателя из числа арестованных ими агентов. Колыбанов»

31. При чем тут Юлия?

Таманцев с двумя офицерами должен был приехать еще полтора-два часа тому назад. Ожидая их в условленном месте, у мостика через крохотную речушку, Алехин лежал близ обочины мощенной булыжником пустынной дороги на успевшей остыть земле, размышлял о деле и терялся в догадках, почему они так задерживаются.

Еще не стемнело, но от низких сумрачных туч повечерело раньше времени.

Звук мотора полуторки он слышал издали и погода, когда шум приблизился, вышел на дорогу.

Как только машина остановилась, Таманцев и за ним двое прикомандированных выпрыгнули из кузова.

– Капитан Фомченко, – представился плечистый, с головой, обожженной справа от виска до затылка.

– Старший лейтенант Лужнов, – вытянулся перед Алехиным высокий, помоложе.

Как и Таманцев, они были без головных уборов, в плащ-палатках, с автоматами ППШ и вещмешками в руках; только Таманцев дополнительно захватил еще «шмайссер»³⁴.

Обоих прикомандированных Алехин наверняка видел в отделе контрразведки авиакорпуса. Он даже припомнил, что у капитана на одной из медалей вмятина от пули или осколка.

– Развернись и стань сюда, – указывая в кусты на отходящую перпендикулярно неторную дорогу, велел он Хижняку и позвал офицеров: – Идемте.

Широкой травянистой тропой, обжатой с обеих сторон кустарником, они направились к темнеющему вдали лесу – Алехин и Таманцев впереди, Фомченко и Лужнов за ними.

– Что так долго? – справился Алехин у Таманцева.

– Можете проколоть себе дырочку для ордена, – небрежно сообщил Таманцев. – Мы нашли этих – капитана и лейтенанта.

– Кто это? – заинтригованный упоминанием об ордене, поинтересовался Фомченко.

– Подозреваемые, – пояснил Алехин, – точнее даже – проверяемые... Где они?

– Зашли в дом шесть на улице Вызволенья. Судя по всему, они там уже бывали. Блинов наблюдает за ними. По данным комендатуры, фамилия капитана – Николаев, лейтенанта – Сенцов. Прибыли из воинской части тридцать один пятьсот восемнадцать... Цель командировки указана стандартно: выполнение задания командования.

– Блинову там не управиться... – вздохнул Алехин. – Тридцать один пятьсот восемнадцать – это что за часть?

– Второго Белорусского фронта. Я сделал запрос. Подполковника не было, потому и задержался.

– Если они действительно из этой части... другого фронта, что же они лезут у нас по хуторам? Странно... Твои соображения?

– Ничего примечательного. Держатся спокойно, непринужденно... По виду в армии не новички... Их надо понаблюдать, – заключил Таманцев. – Вы же сами говорите – проверяемые... Возможно, этим и ограничится... К утру будет ответ.

– Ну уж к утру...

– Будет, – заверил Таманцев. – Я сам звонил по вэче в Управление Второго Белорусского. И передал с литером «Весьма срочно»... За подписью генерала.

– Плачет по тебе гауптвахта, – покачал головой Алехин. – Кончится война, посадить на полгода – вполне по заслугам!

³⁴ «Шмайссер» – немецкий автомат.

– Уж я бы там отоспался. И ряшку бы наел – во! – Таманцев развел руками. – Есть элементы авантюризма, – со вздохом признал он, – но исключительно для пользы дела.

– Там гроза... – оборачиваясь в сторону Лиды, проговорил Алехин.

– Уж это точно!.. Веселенькая ночька вам предстоит...

Таманцев осмотрел темное небо, потом лес впереди – выглядело все вокруг мрачно, диковато – и заметил:

– Прекрасное место для отдыха. В каком отеле для нас приготовлены номера?

Алехин, будто не слыша, молчал.

– Распорядитесь доставить туда багаж, – не унимался Таманцев, – массажистку и педикюрных операторов.

– Ожидают тебя с нетерпением, – принимая тон Таманцева, сказал Алехин.

– Очень мило... А каков приказ Родины?

– Взять Казимира Павловского и тех, кто с ним, – вполне серьезно сказал Алехин.

– Кто это – Павловский? – спросил Фомченко; он, видно, был любознателен и, во всяком случае, хотел быть в курсе дела; а Лужнов молчал.

– Агент германской разведки, – оборачиваясь, сказал Алехин.

– Милейший парень, – добавил Таманцев. – Девять успешных перебросок и четыре «железки» от немцев... Особо опасен при задержании. Как-то под настроение ухлопал трех лопухов из комендатуры.

– Понятно, – несколько озадаченно проговорил Фомченко.

– Ну уж – лопухов, – не согласился Алехин. – Офицера и двух патрулей. С ним надо ухо держать востро. Я ознакомлю вас с ориентировкой и фотографиями, – пообещал он.

– Нам сказали... – наконец произнес Лужнов, – здесь полно банд. Правда?

– Говорят, убивают, – Таманцев пожал плечами, – но мы не видели.

Лужнов держал автомат наизготове, время от времени утыкаясь стволом в спину Таманцеву.

– Поставьте на предохранитель, – посоветовал ему Алехин и улыбнулся. – Вы летчик?

– Летчик, – покраснев, подтвердил Лужнов и сдвинул шишечку.

– Восемьдесят семь боевых вылетов, – сказал за него Фомченко. – Комиссован после ранения. Как и я, грешный...

«Вот так... Восемьдесят семь боевых вылетов, а автомата, возможно, в руках не держал. Летчики... Ладно, скажи спасибо, что этих дали».

Они вышли к всполью и все четверо встали за кустами. На поле, метрах в двухстах от них, виднелся добротный дом с мансардой, левее – две бедноватые хаты, за ними зловеще чернел лес.

– Это дом Павловских, – показал Алехин.

– Он заколочен, – заметил Таманцев.

– Да... Сам хозяин, Павловский-старший, арестован как фольксдойче... Сидит в Лиде, – объяснил Алехин Фомченко и Лужнову. – В меньшей хате, – Алехин указал рукой, – проживает Юлия Антонюк.

– А это кто? – нетерпеливо осведомился Таманцев.

– Сирота... Она с детства в услужении у Павловских; то ли батрачка, то ли служанка – не поймешь. Имеет дочку полутора лет.

– От кого? – спросил Таманцев.

– Поговаривают, что от немца, но я думаю иначе... Эта Юлия – родная сестра жены Свирида. Кстати, вон его хата...

– А кто это – Свирид? – вступился Фомченко.

– Приятель капитана, – с иронией заметил Таманцев. – Он и подарил нам Павловского.

– Вот именно... – улыбнулся Алехин и пояснил Фомченко: – Обездоленный человек, горбун.

– А тетка? – озабоченно спросил Таманцев. – У Казимира тут где-то есть родная тетка.

– Не здесь, а в Каменке... Я отдаю предпочтение Юлии. На две засады у нас просто нет сил.

– Нам-то все равно, где блох кормить – там или тут. – Таманцев сплюнул. – Только просветите. Не дайте помереть дурой! При чем тут Юлия? Почему Павловский должен появиться здесь?...

32. Алехин

Трудно было допустить, что, попав в эти места после многих месяцев отсутствия, Павловский не попытается встретиться с кем-либо из родных или близких ему людей. Но с кем?

Отец, которого он, по словам крестьян, уважал и любил, находился в тюрьме, дом стоял заколоченный, и со стороны издали было видно, что там никто не живет. Следовало предполагать, что Павловский через кого-нибудь (скорей всего, через свою родную тетку, Зофию Басияду) постарается узнать о судьбе отца.

Как я выяснил, Басияда, истовая католичка, без симпатии относилась к немцам, запрещавшим религиозные службы на польском языке и жестоко притеснявшим не только рядовых верующих, но и «наместников Божиих» – ксендзов. Фактом было, что она, наполовину немка, не подписала фолькллист, как это сделали ее брат и племянник, хотя в тяжелых условиях оккупации германское гражданство давало немалые блага. Своего единственного брата она любила, с племянником же отношения у нее, как я понял, были не лучшие.

Обдумывая все, что мне удалось узнать о Павловских, Свиридах, о их родственниках, я из двух вариантов – Зофия Басияда и Юлия Антонюк – постепенно склонился ко второму.

Дело в том, что у меня еще раньше возникло предположение, что дочка у Юлии Антонюк от Казимира Павловского.

Эта догадка появилась у меня, когда, узнав, кто такая Юлия, я обдумывал текст записки, извлеченной из пирога в отделе госбезопасности. Зачем сидящему в тюрьме отнюдь не сентиментальному пожилому человеку в коротком тайном послании сообщать, что девочка его батрачки здорова?

Мысль эта получила некоторое подтверждение, когда на одной из двух фотографий Павловского, принесенных Свиридом, я не без труда разобрал стертую кем-то надпись: «Самой дорогой от Казика». И ниже: «1943 год».

Кто мог быть для Павловского-младшего «самой дорогой» в доме Свирида? Как попала туда эта карточка?... Естественным было предположение, что фотография подарена Казимиром Юлии. И что полтора месяца назад после спешного отъезда Юлии карточка вместе с другими ее вещами попала в дом к Свириду.

Кто же и когда стер надпись?... Возможно, Юлия – перед приходом наших войск, а может, и Свирид. Примечательно, что, когда я потребовал принести фото Павловского, он отправился к хате, зашел туда и тут же полез в погреб – несомненно, там и были спрятаны карточки.

Дорого бы я дал, чтобы узнать истину о взаимоотношениях Павловского и Юлии, чтобы знать доподлинно, кто отец девочки.

Кстати, Эльзой, именем в этих местах весьма редким, звали, как мне запомнилось по следственному делу, мать Юзефа Павловского, бабушку Казимира.

Мое предположение об отцовстве Павловского-младшего представлялось вполне вероятным, но не более. Чтобы как-то проверить его, я до приезда Таманцева попытался установить дату рождения девочки.

Она была зарегистрирована у каменского старосты как родившаяся 30 декабря 1942 года. В графе «Отец», естественно, красовался прочерк, свидетельницей при записи значилась Бронислава Свирид.

Эта дата, к сожалению, не подтверждала мою догадку, наоборот. Так случается частенько: фактов нет, одни предположения, доказать или опровергнуть их практически невозможно, а надо тотчас принять решение. И ошибиться нельзя, а посоветоваться – для уверенности – не с кем.

Был у меня, правда, еще небольшой довод против варианта с Зофией Басиядой: Павловский переброшен, очевидно, в конце июля или в начале августа и за это время повидаться с теткой мог бы уже не раз. Юлия же появилась здесь всего два дня назад.

Я вовсе не тешил себя иллюзией, что Павловского привели сюда только родственные чувства. Тут наверняка был случай невольного сочетания личного с нужным для дела, необходимым.

Шиловичский лесной массив, безусловно, превосходное место и для выхода агентурного передатчика в эфир, и для устройства тайника, где эту рацию можно прятать, и для скрытной приемки грузов с самолета. Павловский же хорошо знал этот район, знал до тропинки лес, все подъезды и подступы; действовать здесь ему, естественно, было легче, удобнее, чем в другой, незнакомой местности. А нам следовало иметь в виду одно немаловажное для его поимки обстоятельство: человек он опытный и появляться здесь может только украдкой, с наступлением сумерек, преимущественно в ночное время.

Таманцев, выслушав мои соображения относительно выбора объекта для наблюдения, задал несколько вопросов, а когда в заключение я поинтересовался его мнением, неопределенно хмыкнул:

– Занятно!..

Это, как я расшифровал, означало: «Ваши предположения я не разделяю и могу камня на камне от них не оставить. Но спорить не буду и слова не скажу, чтобы не размагничивать этих двух – Фомченко и Лужнова...»

Его отношение я определил правильно – прощаясь со мной в кустах близ дома Павловских, он сказал то, что обычно говорил в подобных, сомнительных для него, ситуациях, когда не верил в успех:

– Что ж, наше дело маленькое... – И, словно желая меня успокоить, напоследок добавил: – Придут – не уйдут.

Мыслями я уже был в Лиде. Павловский, безусловно, тоже «наш хлеб», и постараться взять его – наша прямая обязанность. Однако никаких данных о его причастности к работе разыскиваемого нами передатчика у нас не было, а рация с позывными КАО оставалась основным заданием группы, основной целью наших усилий, и я ни на минуту не забывал об этом.

33. Их надо понаблюдать...

Предгрозовая полутьма становилась все более душной и тяжелой. Жители поспешили укрыться по домам. Улица была пустынна и тиха, и весь город словно замер в ожидании.

Светомаскировка соблюдалась тщательно – ни огонька, ни тусклой полоски света. Сумерки сгустились настолько, что, кроме темных силуэтов домов, разглядеть что-либо на расстоянии было уже почти невозможно. Андрей перебрался через мостик, прополз по-пластунски за кустами и залег метрах в двадцати напротив калитки.

Вскоре, после того как он занял это весьма удобное для наблюдения место, из дома кто-то вышел и ходил за штaketником в палисаде; как ни старался Андрей, но рассмотреть, кто это был, не смог.

Потом со стороны дома появился большущий кот; бесшумно ступая, он подошел прямо к кустам, где лежал юноша, и зелеными, зловеще блестящими в темноте глазами с минуту разглядывал незнакомого человека, затем быстро вернулся к дому. «Разведка, сейчас все доложит, – весело подумал Андрей. – Слава богу, что не собака!»

Прошумел в листьях свежий ветерок, пронесся и затих. Спустя минуты первые капли дождя, редкие и тяжелые, как горошины, зашлепали по траве, по листьям, застучали по плащ-накидке. Молния огненным зигзагом сверкнула невдалеке, и гроза началась.

Андрей завернулся в плащ-накидку, но она была коротка, и ноги ниже колен скоро промокли.

Гроза разыгрывалась не на шутку.

Раздирая темную громаду неба, молнии на мгновение озаряли окрест, и снова все погружалось во мрак, и гром внушительно встряхивал землю.

Дождь полил сплошной стеной, словно на небе у какого-то колоссального сосуда отвалилось дно и потоки воды низверглись на землю.

Плащ-накидка пропиталась насквозь, затем постепенно намочило все, что было на Андрее, – и гимнастерка, и брюки, и пилотка, даже в сапоги непонятно как набралась вода. От дневной жары не осталось и следа, холодная мглистая сырость плотно охватывала тело. Зубы у Андрея выбивали частую дробь, да и весь он дрожал.

«Нужно в любых условиях ничего не упустить и себя не расшифровать», – наставлял самого себя Андрей; на память ему пришел случай с Таманцевым в Смоленске.

Зимой, после освобождения города, за одним из домов было установлено наблюдение: по агентурным данным, в нем находилась явочная квартира германской разведки. Таманцев, придя на смену, определил, что наиболее удобное место для наблюдения – старая, заброшенная уборная посреди двора. Еще до рассвета он залез внутрь, и напарник запер его, заложив дверь доской, – так было прежде.

Мороз был около двадцати градусов. Когда же Таманцев попытался греться, переступая с ноги на ногу, то оказалось, что ветхое сооружение от малейшего движения скрипит и шатается – того и гляди, развалится. По двору же беспрестанно ходили.

Чтобы не обнаружить себя, Таманцев вынужден был простоять не шевелясь свыше десяти часов.

Сведения о явочной квартире не подтвердились, и вспоминал он об этом приключении с улыбкой, хотя кончилось оно для него весьма печально: он так поморозил ноги, что месяца два провалялся в госпитале, где ему чуть было не ампутировали стопу.

Меж тем гроза на какое-то время утихла, чтобы вскоре разразиться с еще большим ожесточением. Злостно нарушая маскировку, молнии блистали одна за другой, и где-то совсем над головой оглушающе гремело и грохотало.

Казалось, разгулу стихии не будет конца. Однако в десятом часу ливень затих так же внезапно, как и начался. Гроза переместилась немного южнее, впрочем, на небе не было ни единой звездочки, и тихий обложной дождик не переставал. Отдаленные молнии полыхали чуть реже, каждый раз выхватывая на мгновение из мрака темные от дождя домики и палисады.

При одной из вспышек Андрей увидел бредущую под дождем фигуру в плащ-накидке и, уже когда снова все погрузилось в темноту, сообразил, что это Алехин – приехал и ищет его.

Надо было как-то дать о себе знать. Условные сигналы для леса Андрей помнил, но как это сделать сейчас, в городе, не представлял. Лишь минут через десять капитан, искавший его в темноте чуть ли не ошупью, приблизился настолько, что Андрей решился и тихонько окликнул его.

– Ну как, они в доме? – прежде всего осведомился Алехин.

– Д-да... – силясь не стучать зубами, проговорил Андрей. – Никто не выходил.

– Порядок... Тогда порядок, – облегченно сказал Алехин, запахиваясь в плащ-накидку, и улегся на мокрую землю рядом с Андреем.

Светящиеся зеленые стрелки показывали без четверти десять. «Неужто до утра придется валяться здесь в грязи, дрожа от холода и сырости?» – сомнение в необходимости наблюдения за домом ночью одолевало Андрея.

Время тянулось нестерпимо медленно. Андрею показалось, что часы остановились, он поднес их к уху, услышал ровное тиканье и снова всмотрелся в темноту. «Вот гадство, – невесело подумал он. – Они себе спят спокойненько, а ты – мерзни!»

Алехин недвижимо лежал в метре от него по ту сторону куста. При вспышках молнии был виден профиль его скуластого, прикрытого до самых глаз капюшоном лица.

Наконец Андрею стало невмоготу, и дрожащим от холода голосом он нерешительно позвал:

– Т-товарищ к-капитан!

Алехин шевельнулся и шепотом спросил:

– Чего?

– Вы д-думаете, к-кто-нибудь выйдет?

– Думаю, надо продолжать наблюдение, – сказал капитан, и Андрей пожалел, что задал этот вопрос.

– Но до утра х-хождение з-запрещено, – попытался как-то аргументировать он.

– Ты вчера ходил, тебя кто-нибудь задерживал?... А в дождь тем более... Ты погрейся, – предложил капитан. – Только без шума! И не подымайся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.